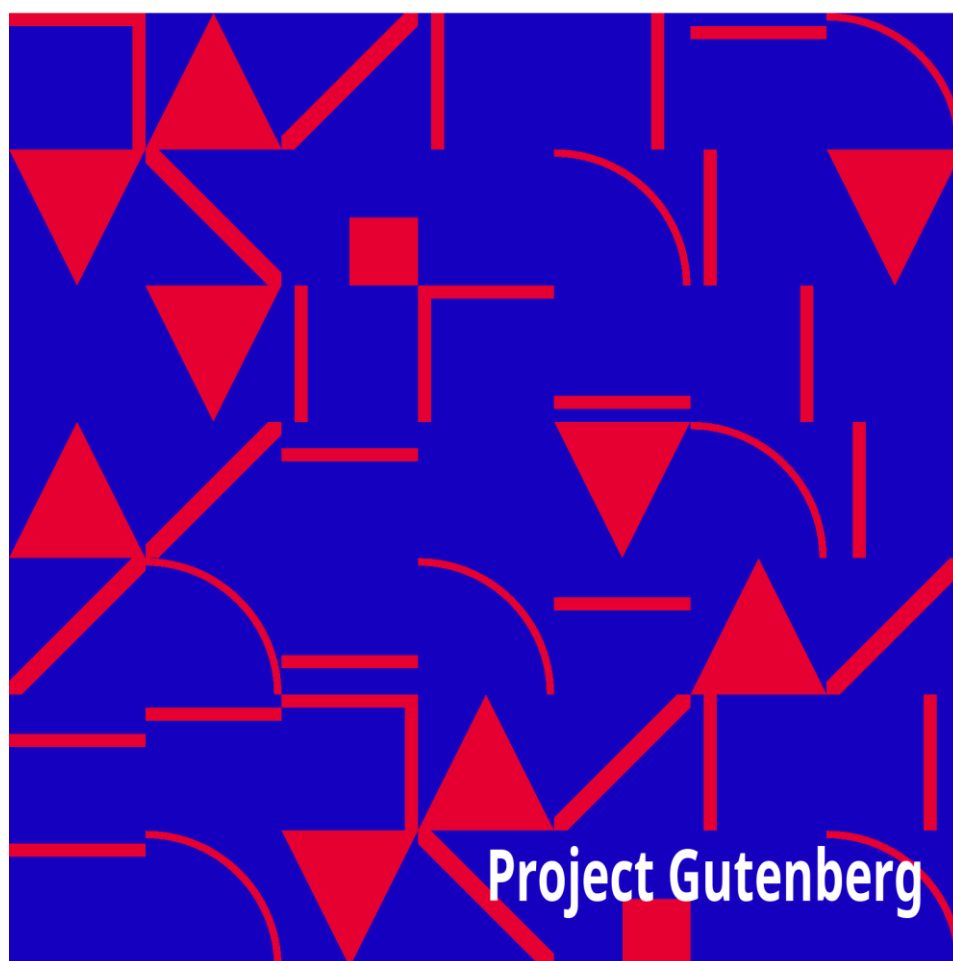

Пантеизм, его история и значение. Религии древние и современные

Дж . Алансон Пиктон

Pantheism, Its Story and Significance

J. Allanson Picton

Электронная книга проекта "Гутенберг" о пантеизме, его истории и значении

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Пантеизм, его история и значение

Автор: Дж. Алансон Пиктон

Дата выхода: 1 февраля 2004 г. [Электронная книга № 11015]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлено Garrett Alley и PG Distributed Корректорами

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПАНТЕИЗМ, ЕГО ИСТОРИЯ И ЗНАЧЕНИЕ" ***

ПАНТЕИЗМ

Автор : Дж . АЛАНСОН ПИКТОН

РЕЛИГИИ ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ

ПАНТЕИЗМ

Его история и значение

РЕЛИГИИ: ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ.

Скидка 8 %. 1с. нетто за объем.

Цель этой серии - представить широкой публике ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ, во-первых, ВЕЛИКИХ РЕЛИГИЙ, во-вторых, ВЕЛИКИХ ФИЛОСОФИЙ и, в-третьих, ВЕЛИКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ и ХУДОЖЕСТВЕННЫХ РЕПУТАЦИЙ Человечества.

ПАНТЕИЗМ: ЕГО ИСТОРИЯ И ЗНАЧЕНИЕ. АЛАНСОН ПИКТОН, магистр,
автор книги *"Религия вселенной"* и др.

РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. Мисс ДЖЕЙН ХАРРИСОН, студентка Ньюнхэм-
колледжа, автор *"Прологоменов к изучению греческой религии"* и др.

АНИМИЗМ. ЭДВАРД КЛОДД, автор книги *"Пионеры эволюции"*.

РЕЛИГИИ ДРЕВНЕГО КИТАЯ. Х.А. ДЖАЙЛС, магистр права (Aberd.),
профессор китайского языка Кембриджского университета.

В стадии подготовки находятся следующие тома:

ИСЛАМ. Г-н Т.В. АРНОЛЬД, помощник библиотекаря, Отделение в Индии.

БУДДИЗМ. 2 тома. Проф. РИС ДЭВИДС, доктор права.

ИНДУИЗМ. Мистер Т.У. АРНОЛЬД.

ФЕТИШИЗМ И МАГИЯ. Профессор. АЛЬФРЕД К. ХЭДДОН, F.R.S.

МИФОЛОГИЯ ДРЕВНЕЙ БРИТАНИИ. Мистер ЧАРЛЬЗ СКВАЙР.

КЕЛЬТСКАЯ РЕЛИГИЯ. Проф. АНВИЛ.

СКАНДИНАВСКАЯ РЕЛИГИЯ. Мистер У.А. КРЕЙГИ.

РЕЛИГИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА. Профессор. ФЛИНДЕРС ПЕТРИ. F.R.S.

РЕЛИГИЯ ВАВИЛОНИИ И АССИРИИ, доктор ТЕОФИЛУС Г. ПИНЧЕС.

ПАНТЕИЗМ

Его история и значение

АВТОР : Дж . АЛАНСОН ПИКТОН

ЛОНДОН

1905

Содержание

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА I. ДОХРИСТИАНСКИЙ ПАНТЕИЗМ

ГЛАВА II. ПОСТХРИСТИАНСКИЙ ПАНТЕИЗМ

ГЛАВА III. СОВРЕМЕННЫЙ ПАНТЕИЗМ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ПАНТЕИЗМ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Пантеизм не сектантский и даже не расовый.

Пантеизм отличается от систем верований, составляющих основные религии мира, тем, что он сравнительно свободен от каких-либо ограничений периода, климата или расы. Ибо в то время как то, что мы грубо называем египетской религией, Ведической религией, греческой религией, буддизмом и другими религиями подобной известности, неизбежно было локальным и временным, пантеизм был, по большей части, смутно различимым фоном, эзотерическим значением многих или всех религий, а не "деноминацией" как таковой. Лучшей иллюстрацией этой характеристики пантеизма является католицизм его великого пророка Спинозы. Ибо он

испытывал так мало антагонизма к какой-либо христианской секте, что никогда не призывал ни одного члена церкви покинуть ее, а скорее поощрял своих более скромных друзей, которые обращались к нему за советом, в полной мере использовать те духовные привилегии, которые они ценили больше всего. Действительно, он не мог довольствоваться фрагментарными формами какого-либо сектантского вероучения. Но в тех немногих произведениях, которые он предпринял некоторые попытки приспособить к популярному пониманию, он, по-видимому, считает возможным, что вера в пантеизм может когда-нибудь стать закваской для всех религий в равной степени. Я попытаюсь вкратце обрисовать историю этой веры и предложить ее значение для будущего. Но сначала мы должны знать, что это значит.

Значение пантеизма.

Таким образом, пантеизм, будучи термином, производным от двух греческих слов, означающих "все" и "Бог", предполагает в определенной степени его собственное значение. Таким образом, если понимать атеизм как отрицание бытия Бога, то пантеизм является его крайней противоположностью; потому что пантеизм заявляет, что нет ничего, кроме Бога. Это, однако, требует объяснения. Ибо ни один пантеист никогда не считал, что Бог - это Все. что все есть Бог, так же как учитель физиологии, навязывая своим ученикам единство человеческого организма, настаивал бы на том, что каждый палец на ноге - это человек. Но такой учитель, по крайней мере, во всем, но не во Всем, является Богом. в наши дни он почти наверняка предостерег бы своих учеников от представления о том, что человек действительно может быть разделен на конечности, или органы, или способности, или даже на душу и тело. В самом деле, он мог бы без аффектации принять язык столь противоречивого вероучения, что провел бы Аналогию с Человеческим организмом. "разумная душа и плоть — это один человек" - "всецело один". С этой точки зрения, человек представляет собой единство всех органов и способностей. Но из этого ни в малейшей степени не следует, что какой-либо из этих органов или способностей, или даже их совокупность, является человеком.

Аналогия несовершенная, но полезная.

Если я применю эту аналогию к объяснению приведенного выше определения пантеизма как теории о том, что нет ничего, кроме Бога, не следует предполагать, что я считаю параллелизм совершенным. Фактически, одной из целей следующего изложения будет показать, почему и где все подобные аналогии терпят неудачу. Ибо пантеизм не рассматривает человека или какой-либо другой организм как истинное единство. С точки зрения пантеизма, единственным реальным единством является Бог. Но без какой-либо непоследовательности я могу воспользоваться общими впечатлениями, чтобы исправить общее ошибочное впечатление. Таким образом, те, кто считает, что разумная душа и плоть — это один человек — всецело одно, - но в то же время отрицают, что палец на ноге, желудок или сердце - это человек, обязаны последовательно признать, что если пантеизм утверждает, что Бог есть Все во Всем, из этого не следует, что пантеизм должен считать Богом человека, или дерево, или тигра.

Исключая, таким образом, такую кажущуюся правдоподобной, но на самом деле ошибочную инверсию пантеистического взгляда на Вселенную, я повторяю, что Дальнейшее Определение. последний является полной противоположностью атеизму. Он не только не допускает никаких сомнений в бытии Бога, но и отрицает существование чего-либо еще. Ибо все объекты чувств и мысли, включая индивидуальное сознание, независимо от того, наблюдаем ли мы их непосредственно в себе или предполагаем, что они существуют в других, являются, согласно

пантеизму, лишь гранями бесконечного Единства, которое "всецело едино" в некотором смысле, неприменимо ни к чему другому. Потому что это Единство - это не просто совокупность всех конечных объектов, которые мы наблюдаем или выводим, но живое целое, выражающее себя в бесконечном разнообразии. В этом бесконечном разнообразии наши проблески сознания представляют собой бесконечно малые части, но не части в том смысле, который предполагает какое-либо реальное разделение. Вопросы, поднимаемые таким взглядом на Вселенную, многие из которых не имеют ответа — как и в случае с вопросами, поднимаемыми любым другим взглядом на Вселенную, — будут рассмотрены далее. Все, что я пытаюсь закрепить в этих предварительных наблюдениях, - это общее представление о пантеистическом взгляде на Вселенную в отличие от политеизма, монотеизма или атеизма.

Различные формы пантеизма.

Конечно, существовали различные формы пантеизма, как и различные фазы монотеизма; и в кратком историческом обзоре, который последует за этим вводным объяснением названия, я отмечу, по крайней мере, наиболее важные из этих форм. Но любые, которые не соответствуют приведенному здесь общему определению, вообще не будут признаны пантеизмом, хотя они могут быть заслуживающими внимания Ложными формами. в качестве приближений к этому. Ибо любой взгляд на Вселенную, допускающий существование чего-либо вне Божественного Единства, отрицает, что Бог есть Все во Всем, и, следовательно, явно не является пантеизмом. Должны ли мы признавать истинным пантеизмом какую-либо теорию, предполагающую эволюцию конечного мира или миров из божественной субстанции в какую-то определенную эпоху или эпохи, может быть спорным вопросом, при условии, что вечность и нерушимость божественного единства абсолютно охраняются в мысли. И все же я забегу вперед и скажу, что, на мой взгляд, на этот вопрос следует ответить отрицательно. В любом случае, мы должны исключить все вероучения, исключающие Творение. которые допускают идею сотворения мира в общепринятом смысле этого слова или окончательной катастрофы. Верно, что отдельные объекты, большие или малые, от галактики до мотылька, которые для нас кажутся отдельными существами, все развились из предыдущих форм существования в результате процесса, который, как нам кажется, включает в себя начало и обеспечивает конец. Но с точки зрения так называемого пантеизма в собственном смысле перенос такого процесса на всю Вселенную является результатом иллюзии, наводимой ложной аналогией. Ибо процессы, называемые эволюцией, хотя и действуют повсюду, затрагивают, каждый из них, лишь части бесконечной Эволюции, а Распад применим только к Частям, но не к Целому. совокупность вещей; и опыт, возможно, не может дать никакого оправдания предположению, что они влияют на саму Вселенную. Таким образом, материя или энергия, из которой, как мы думаем, мы состоим, существовала, каждый ее атом и каждый элемент силы существовали до нашего рождения и переживут нашу кажущуюся смерть. И то же самое, по крайней мере с пантеистической точки зрения, верно для любого другого способа явно отдельного или конечного существования. Следовательно, никакое рождение новой туманности никогда не добавляло во Вселенную ни крупницы материи, ни импульса новой энергии. И окончательная гибель нашей солнечной системы, если такое событие произойдет в перспективе, не сможет никак повлиять на бесконечный баланс сил, из которого, говоря антропоморфным и неадекватным языком, мы предполагаем, состоит Вечное Все.

Ограничение сферы применения.

Цель этих наблюдений не в том, чтобы вызвать споры, а лишь в том, чтобы прояснить общий смысл, в котором здесь используется термин "пантеизм". Не то чтобы было возможно с самого начала указать все, что подразумевается в определении. Я только хочу четко заявить, что меня не интересует какой-либо взгляд на мир, который подразумевает или допускает, что, будь то в результате процесса творения, или эманации, или саморазделения, или эволюции, единство Вечного когда-либо было нарушено, или что-либо иное, кроме бытия Бога, было или может быть произведено.

Но прежде чем перейти к обещанному историческому обзору, скажу, что это, возможно, пантеизм либо философский, либо религиозный, либо и то и другое вместе. необходимо снова обратиться к ранее сделанному замечанию о том, что пантеизм можно рассматривать либо с точки зрения философии, либо с точки зрения религии. Не то чтобы эти две точки зрения были взаимоисключающими. Но, на самом деле, пантеизм как религия, за некоторыми исключениями среди индийских святых и более поздних неоплатоников, является почти полностью современным развитием, первым внятным и набожным учителем которого был Спиноза. Обоснование этого утверждения будет дано ниже. Между тем, чтобы опровергнуть неблагоприятные предрассудки, я могу предположить, что тщательное изучение самых древних форм пантеизма, по-видимому, показывает, что они были чисто философскими; попытка мысленно достичь окончательного пантеизма как Религии, почти полностью современной. реальность, которую политеизм извратил и которую замаскировали чувства. Но практически не предпринималось попыток заменить созерцание Вечного поклонением божествам-посредникам. Таким образом, в том же духе, в каком Сократ приказал принести в жертву Эскулапу петуха для своего излечения от болезни смертной жизни, философы-пантеисты, будь то египтяне, греки или даже индийцы,^[1] удовлетворяли свои религиозные инстинкты сердечным приобщением к популярному поклонению традиционным богам. Или, если считается, что средневековые мистики были религиозными пантеистами, более пристальное изучение их благочестивых высказываний покажет, что, хотя они приближались к пантеизму и даже использовали такой язык, который, если интерпретировать логически, должен был подразумевать это, все же они были осторожными мистиками, не обязательно пантеистами. зарезервированные статьи церковного символа веры, полностью несовместимые с фундаментальным положением о том, что нет ничего, кроме Бога. Действительно, их любимое сравнение жизни создания с лучом свечи на самом деле не является пантеистической концепцией; потому что для истинного пантеиста создание - это не внешняя по отношению к Богу эманация, а конечный вид бесконечного Бытия. Тем не менее мистики многое сделали, чтобы подготовить верующих к принятию учения Спинозы. И хотя столь поразительное преобразование религии поначалу скорее ослепило, чем убедило мир; более того, хотя следует признать, что одна или, возможно, несколько фундаментальных концепций Спинозы все больше отталкивали, а не привлекали религиозных людей, все же вряд ли можно оспаривать, что он дал импульс созерцательной религии, эффект которой только сейчас начинает полностью проявляться.

СНОСКИ:

[1] Если читателю придет на ум Будда, следует помнить, что он вовсе не был пантеистом. Его конечной целью было растворение личности в Ничто. Но это не пантеизм.

ГЛАВА I

ДОХРИСТИАНСКИЙ ПАНТЕИЗМ

Его происхождение Сомнительно и Неважно.

Обычным и, возможно, неизбежным методом авторов, пишущих о пантеизме, было проследить его основную идею до снов ведических поэтов, размышлений египетских жрецов и спекуляций греков. Но хотя нельзя отрицать, что божественное единство всего Сущего было почти необходимым вопросом древнейшей человеческой мысли о множестве и едином, все же приведенный выше метод трактовки пантеизма в некоторой степени вводит в заблуждение; и поэтому при его использовании необходима осторожность. Ибо возрождение пантеизма в наши дни - это гораздо более осязаемый результат действия и противодействия между Наукой и религией, чем призрак, вызванный спекуляциями. Таким образом, религиозная вера, изгнанная из "тьмы и облака" Синая, находит убежище в тайне материи; и если слава сходит с горы Преображения, то это потому, что она распространяется, чтобы эфиризировать весь мир как одеяние Бога. И снова, распад атома на галактики "электронов" разрушает единственную физическую теорию, которая когда-либо угрожала нам атеизмом; а сами бесконечно малые электроны открывают неизмеримую перспективу в бездну Непознаваемого, в которой все вещи "живут, движутся и имеют свое бытие". Поэтому для нас не имеет большого значения, за исключением антикварного интереса, знать, о чем могли мечтать ведические певцы; или что Фалес, Ксенофан или Парменид могли думать о первом принципе вещей или о многом и едином. Ибо наша духовная генеалогия ведет свое начало не от них, а от более близкой и двойной линии зачинателей, включая провидцев — в истинном смысле этого слова — и святых, поскольку и те, и другие представлены Кеплером и Хукером, Ньютоном и Джереми Тейлором, Декартом и Спинозой, Лейбницем и Уэсли, Спенсером и Ньюманом. Тайна пантеизма находится внутри нас. И даже они обладают авторитетом не по какому-либо божественному праву гениальности или приобретенному притязанию на ученость, а потому, что они освещают и интерпретируют неясные намеки на наши собственные мысли. Действительно, к таинству исторического общения с прошлым, а также к главному церковному обряду применимо апостольское предписание: "Пусть человек исследует себя; и так пусть он ест от этого хлеба".

Повинуясь этому предписанию, любой человек, обладающий обычными способностями Внутренней Природы, наблюдение и размышление во время прогулки летним днем могут найти множество причин для интереса к рассуждениям об историческом пантеизме. Ибо аспект природы, представленный ему тогда, является одновременно аспектом движения и покоя, разнообразия и гармонии, множественности и единства. Таким образом, легкий ветерок, едва шевелящий дремлющие цветы, монотонное журчание каменистого ручья и скольжение перистых облачков по синеве создают покой, гораздо более глубокий, чем абсолютная тишина, и предполагают бесконечную жизнь, в которой активность и покой - одно. Кроме того, повсюду очевидно взаимодействие сил, действующих и реагирующих таким образом, чтобы взаимно помогать и дополнять друг друга. Например, опадающие листья возвращают углерод, который они собрали из воздуха, и таким образом с лихвой возвращают почве более тонкие эссенции,

полученные из них и растворенные в соке. Пчелы, опять же, жужжащие среди цветов, движимые только инстинктами аппетита и бережливости, приносят плоды цветам и становятся связующим звеном между одним растительным поколением и другим. Солнечное тепло забирает воду из океанов, рек и озер, в то время как холодные потоки более высокого воздуха возвращают ее туда и сюда в виде дождя. Таким образом, земля, море и воздух постоянно взаимодействуют; и их обмен богатствами и силой усложняется в десятки тысяч раз деятельностью бесчисленных живых существ, которые с помощью какой-то внутренней энергии приспосабливаются к постоянно меняющемуся балансу тепла и холода, влаги и засухи, света и темноты, химического действия и реакции. И все это продолжается уже неисчислимые миллионы лет, и сейчас нет никаких признаков усталости.

Таким образом, пробудилось сочувствие к старому пантеистическому Стремлению найти Единое во Многих.

В настроении, порожденном такими знакомыми впечатлениями от праздничной прогулки, любому вполне может прийти в голову с интересом и симпатией подумать о поэтах и провидцах, которые тысячи лет назад впервые осмелились разглядеть в этом лабиринте существования разнообразное выражение единой всеобъемлющей и вечной Жизни, или Силы. На такие размышления и спекуляции совершенно не повлияло ничего из того, что христианская церковь признает откровением.^[2] Тем не менее, мы не должны из-за этого предполагать, что они были лишены религии или делали вид, что объясняют что-либо без ссылки на сверхчеловеческих существ, называемых богами и демонами. Напротив, они, по большей части, разделяли, с учетом таких изменений, которых настоятельно требовал культивируемый здравый смысл, верования своей родной страны. Но разница между этими людьми и их бездумными современниками заключалась в том, что первые представляли себе единое высшее и всеобъемлющее божество, недоступное обычному мышлению, конечное и вечное Существо, которое включало в свое единство как богов, так и природу. Таким образом, для них Индра, Зевс или Юпитер были простыми проявлениями единого Существа, также проявляющегося в человеке, птице и дереве.

Веды и связанная с ними литература.

Каждая раса, обладающая даже зачатками культуры, была движима счастливым инстинктом, который, если угодно, мы могли бы назвать вдохновением, к тому, чтобы зафиксировать в более или менее постоянной форме свой опыт познания природы, жизни и того, что казалось тайнами того и другого. Этому вдохновению мы обязаны священным книгам евреев. Но в настоящее время общепризнано, что импульс, не совсем отличный от того, который двигал пророческими или поэтическими умами других рас, таких, например, как египтяне, халдеи и арийские завоеватели Индии, - начертать на папирусе или камне, кирпиче или пальмовых листьях результаты опыта, интерпретируемые свободным воображением, традиционными привычками мышления и ограниченными знаниями. Значительная часть этой древней литературы посвящена мистериям, по-видимому, связанным с жизнью, поведением и смертью. Наиболее примечательно это в случае с древнеиндийской литературой, называемой Ведами, и такими продолжениями, как Упанишады, Сутры и — гораздо позже — Бхагавад-гита. Это собрание, как и наша Библия, представляет собой библиотеку произведений, изданных в разное время и насчитывающих гораздо больше тысячи лет.

Забытых певцов и проповедников этой доисторической мудрости не меньше, чем нас самих, преследовали мучительные вопросы, связанные с грехом и печалью, жизнью и смертью и стремлением к более высокому состоянию. И многие, возможно, мы можем сказать, что большинство из них, нашли утешение в индийском пантеизме. думали, что, по сути, они принадлежат к всеобъемлющей и бесконечной Жизни, в которой, если они будут действовать чисто и благородно, их кажущаяся индивидуальность может слиться и обрести покой. Их образ мыслей был скорее религиозным, чем философским. Но их философия естественным образом соответствовала этому; и в своем противопоставлении ошеломляющего разнообразия конечных видимых вещей единству Вечного Бытия, все составляющие которого являются фазами, эти древние были близки мыслям современного медитативного любителя прогулок по полю, реке и лесу.

Различия между древним и современным состоянием мысли.

Но огромный промежуток времени, отделяющий нас от тех ранних индийских мыслителей, неизбежно влечет за собой очень большие различия в условиях мышления. И мы не должны удивляться, если среди многого в их трудах, вызывающего наше сочувствие, есть и многое такое, что кажется нам неуместным и абсурдным. Поэтому, возможно, было бы неплохо, прежде чем цитировать эти труды, отметить один или два момента, отмечающих почти несоизмеримую разницу между их и нашим взглядом на мир.

1. Сохранение в свое время фетишистских и анимистических идей.

1. Во-первых, они были гораздо менее удалены, чем мы, от влияния фетишистских и анимистических традиций. Даже в греческой и римской классике случайный читатель часто испытывает отвращение к крайне абсурдным историям, рассказанным о богах и героях. И действительно, невозможно представить, что любовные отношения Зевса (или Юпитера), например, с Ледой, Европой или Данаей впервые возникли в эпоху, отмеченную поэтическим гением и сравнительной культурой, о которых свидетельствуют самые древние эпосы. Но наиболее вероятное решение головоломки состоит в том, что древнейшая цивилизация унаследовала ряд историй о животных, характерных для дикости во всех частях света, и что первые литературные поколения, в поэтические мифы которых были перенесены эти истории, были так же привычны к ним, как и к другой обстановке своего детства, такой как кровавые жертвоприношения, мистические искупления и фантастические посвящения, и не видели несоответствия ни в чем, что рассказывало им о богах. Кроме того, поскольку эти дикие мифы были связаны со священными обрядами, закоренелого консерватизма религии, настаивавшей на использовании каменных ножей при жертвоприношениях задолго до того, как появились бронза и железо, было, вероятно, достаточно, чтобы поддерживать божественную важность этих басен, точно так же, как историчность Валаамовой ослицы и кита Ионы до сих пор благочестиво поддерживается некоторыми церквями.

2. Древнее Незнание Естественного порядка вещей.

2. Во времена, к которым относится первое известное пантеистическое учение, представления о природном порядке были несовместимы и даже несоизмеримы с нашими. Не то чтобы мир тогда рассматривался как хаос. Но существующий порядок считался своего рода "балансом сил" между различными невидимыми существами, одними добрыми, другими злыми, некоторыми безразличными. Верно, что некоторые индийские пророки проецировали идею

Единого Вечного Существа, включающего в себя все подобные скрытые Начала и Силы. Но их пантеизм был неизбежно обусловлен их незнанием природных явлений. На самом деле, непреодолимая непоследовательность омрачала их взгляд на мир. Ибо, хотя их пантеизм должен был научить их думать об универсальной жизни или энергии, действующей внутри всех вещей, их теологический склад ума привязывал их к неуместному представлению о дьяволах или божествах, формирующих материю или, по крайней мере, управляющих ею извне. И, действительно, самым близким подходом, который они сделали к более подлинному пантеизму нового времени, была концепция мира, исходящего из Браммы и проецируемого за его пределы, чтобы вновь слиться с ним по прошествии веков. Теперь, если я прав в своем определении пантеизма как абсолютного отождествления Бога со Вселенной,^[3] так что, фактически, не может быть ничего, кроме Бога, отмеченная здесь непоследовательность должна рассматриваться как фатальная для подлинности индийского или даже любого другого древнего пантеизма. Ибо этот дефект на протяжении многих веков оказывался неизлечимым и действительно не был полностью устранен до времен Спинозы.

3. Отсутствие определенных вероучений.

3. Другим различием между древними пантеистами и нами было отсутствие в их случае какого-либо религиозного вероучения, санкционированного сверхъестественным авторитетом и воплощенного в определенной форме, подобно трем англиканским вероучениям или Вестминстерскому исповеданию веры. Не то чтобы эти древние считали себя лишенными откровения. Ибо Веда, по крайней мере, считалась божественным авторитетом, а к их словам, метрам и грамматике относились с суеверным благоговением, что напоминает нам о так называемом "библиопоклонстве" еврейских раввинов. Но, подчиняясь этому словесному почитанию, риши, или ученые богословы, пользовались предельной свободой в отношении принудительных и причудливых толкований священного текста, что снова напоминает нам о парадоксальном капризе, проявленном некоторыми школами еврейских раввинов в их обращении с томом, к которому, по их словам, они относились с благоговением. Различные конечные боги, такие как Вишну, Индра, Кришна, Марут или Варуна, не были предметом какого-либо церковного вероучения, воспеваемого каждый день и тщательно закрепляемого в нежных умах детей. Напротив, последующие поколения отводили этим божествам различные роли. Так что, например, Варуна был в одно время богом океана, а в другое - неба. Но общей тенденцией всех поэтов и риши было искать за пределами всех этих богов одноеиственное, бесконечное и всеобъемлющее Существо, из которого произошли эти "дэвы" и в которое они должны вернуться. Не только так, но и ясно подразумевается во многих отрывках, пример которых сейчас будет приведен, что Вечный, называемый Брахмой, который был истинным "Я" всех богов, был также истинным "Я" человека, птицы и зверя. Так что, на самом деле, несмотря на нелогичную теорию эманации, Он был единственным реальным Существом, Всем во Всем.

Иллюстрация из Упанишад.

Таким образом, один раздел Кхандогья Упанишад^[4] полностью состоит из наставлений, данных отцом, Уддалакой, своему сыну Шветакету, который прошел обычные курсы изучения Вед, но, по мнению отца, не смог достичь истинного смысла жизни. Соответственно, Уддалака спрашивает: "Просил ли ты когда-нибудь о том наставлении, с помощью которого мы слышим то, что не может быть услышано, с помощью которого мы воспринимаем то, что не может быть воспринято, с помощью которого мы познаем то, что не может быть познано?"^[5] Молодежь,

более привычная, чем мы, к обучению с помощью парадокса, не выражает удивления такому способу изложения вещей, а просто спрашивает: "Что это за инструкция, сэр?" Затем отец переходит к объяснению монизма, того, что в наши дни называется "монизмом", то есть абсолютной единственностью предельного Бытия, и прослеживает все, что есть, или кажется таковым, вплоть до единой предельной Сущности. Теперь, возможно, сомнительно, может ли его теория в той форме, которую Уддалака придал своему изложению, быть должным образом названа пантеизмом, согласно ее определению, принятому выше. Но в том, что это должен был быть пантеизм, не может быть никаких сомнений. "В начале, - говорит Уддалака, - было только то, что есть ([греч. *to on*]); только одно, без второго. Другие говорят: "в начале было только то, чего нет" ([греч. *to me on*]); только одно, без второго; и из того, чего нет, родилось то, что есть". Но Уддалака отвергает эту последнюю доктрину как немыслимую, что, действительно, многие исследователи Гегеля обнаружили с болью в душе. И затем отец прослеживает все многообразие Вселенной до желания или воли изначального Единого, "того, что есть". Эволюция от Единого через Желание. "Оно подумало: "Пусть меня будет много, пусть я вырасту". Оно послало огонь". Мои пределы не позволяют мне далее цитировать фантастический отчет о дальнейшем процессе, посредством которого вода и земля, растения, животные и люди возникли из этого желания Единого: "Пусть меня станет много; пусть я буду расти дальше". Для нашей цели более важно показать, что с точки зрения Уддалаки — как бы непоследовательно он ни выражался — изначальный Единый никогда по-настоящему не был разделен, но остается истинным "Я" каждого конечного существа, каким бы кажущимся отдельным оно ни было. Итак, рассмотрим следующий диалог, первые слова которого относятся к указанию отца, Уддалаки:—

"Принеси мне оттуда плод дерева Ньягродха". "Вот один, господин". "Сломай его". "Он сломан, господин". "Что вы там видите?" "Эти семена, почти бесконечно малые". "Разбейте одно из них". "Оно разбито, сэр". "Что вы там видите?" "Ничего, господин". Отец сказал: "Сын мой, та тонкая сущность, которую ты там не видишь, из той самой сущности существует это великое дерево Ньягродха. Поверь этому, сын мой. То, что является тонкой сущностью, в ней все существующее обладает самим собой. Это Истина. Это Самость; и ты, о Шветакету, являешься ею".

Здесь нас ясно учат, что "я", или сокровенная реальность каждого человека и вещи, - это Вечный, или Брахма, или Бог.

Иллюстрация из Бхагавад-гиты.

Та же доктрина в более продвинутой форме излагается в поэме под названием "Бхагавад-гита", датировка которой, вероятно, более чем на тысячу лет позже, чем у только что процитированной Упанишады. В этом стихотворении Кришна, временно воплотившийся в качестве возничего Арджуны, с особой целью раскрывает свою идентичность с Брахмой, Вечным Всем; и Арджуна, получив достаточные наставления, обожает его так:—

"О бесконечный Владыка Богов! обитель мира,

Ты нераздельный, о всемогущий.

Ты - первый из Богов, древний Прародитель,

Высшая сокровищница всех миров.

Знающий и Познаваемое, высшее место.

Из Тебя возникло Все, о безграничная Форма!

Варуна, Вайю, Агни, Яма ты,^[6]

Луна; Отец и Прародитель людей.

Бесконечный по могуществу, безграничной силы,

Все, что ты обнимаешь; Ты есть Все".^[7]

Упущение буддизма.

Этих иллюстраций должно быть достаточно для описания индийского пантеизма. Потому что с буддизмом мы не имеем ничего общего. Ибо, согласно ее наиболее способному европейскому выразителю (профессору Т.У. Рису Дэвидсу), эта религиозная система просто игнорировала концепцию "Всего во всем". И это вовсе не по философским соображениям, а потому, что его цели были исключительно практическими. Ибо целью его основателя было показать людям, как добродетельной жизнью или жизнями они могут в конце концов достичь уничтожения — или, во

всяком случае, исчезновения индивидуального "я", кажущаяся обособленность которого была, по его мнению, источником всех страданий. И если он мог научить своих последователей достигать этого спасения, ему было совершенно безразлично, каких мнений они могли придерживаться о конечной природе мира, при условии только, что они не впадали в какую-либо ересь, провозглашающую бессмертие души.^[8]

Персидские религии, не являющиеся строго пантеистическими.

Рассказы, предоставленные нам лучшими авторитетами о Зороастре и парсизме, едва ли дают нам право считать религию Зендавесты пантеистической в нашем понимании этого термина. Ибо, хотя может показаться, что Ормузд (или Ахурамазда), Бог света и добра, возник в безымянном безличностном Единстве или был рожден из него и слит с ним, что может соответствовать "Непознаваемому" Герберта Спенсера, нельзя точно сказать, что, согласно персидскому взгляду на мир, нет ничего, кроме Бога. Ибо, не говоря уже о внешне независимом существовании принципа тьмы и зла, называемого Ариманом, отношение Амшаспандов, или высших духов, и изедов, или вторичных духов, а также Ферейров, или божественных идей, к безличному Единству представляется скорее отношением эманаций, чем частей Целого. Опять же, если верно, что, согласно Зенд Авесте, конфликт света и тьмы в конечном счете прекратится, и Ариман со своими демонами будет уничтожен, очевидно, что это подразумевает начало и конец, Мировая Драма или Процесс - это Человеческий, а не Божественный Аспект Вещей. с процессом, берущим начало в одном и завершающимся в другом. Но такой процесс, хотя и наиболее актуальный в конечном масштабе и радостно или болезненно реальный для нас, поскольку мы созерцаем лишь бесконечно малые части Вселенной и всегда в формах времени и пространства, все же неуместен и несоизмерим с мыслью о едином Всем во Всем, неограниченном временем или пространством, и чья жизнь - это Вечное Сейчас. Таким образом, истинный пантеизм принимает Вселенную такой, какая она есть, в ее бесконечности; рассматривает ее как не имеющую ни начала, ни конца; и поклоняется ей. Не то чтобы пантеизм отрицал существование зла, или его не трогала борьба между злом и добром, или его не вдохновляла вера в неизменное торжество добра везде, где возникает локальный конфликт. Но он настаивает на том, что зло относится к конечным частям Вселенной в их предполагаемой изоляции и никак не может повлиять на Вечное Все. Она не допускает никакого творения или эманации, которые противопоставили бы какую-либо часть "чудесного Целого" Вечному или отделили бы ее от Него. Но с его точки зрения все изменения, эволюция, прогресс, регресс, грех, боль или любое другое добро или зло локальны, конечны, частичны; в то время как бесконечная координация таких бесконечно малых движений создает единый вечный мир.

Пантеизм в Древнем Египте

Египетская религия не должна нас задерживать. Ибо, хотя среди священнослужителей имеются явные следы пантеистических спекуляций, едва ли можно утверждать, что такие спекуляции оказали такое же влияние на культурных мирян, какое оказало учение риши в древней Индии. Но истина, похоже, заключается в том, что древнейшая популярная теология Египта была всего лишь разновидностью доисторического анимизма. Негритянского анимизма и фетишизма.^[9] Однако эти пресмыкающиеся суеверия, как это часто бывает, непрерывно развили более высокую веру. Ибо в попытке приспособить этот дикий культ к религиозным нуждам различных районов, одинаково постепенно развивавшихся в культуре, количество и разнообразие божеств стало настолько сбивать с толку жрецов, что последние почти неизбежно взяли на

вооружение прием распознавания в местных богах лишь множества намеков на одну всеобъемлющую божественную энергию. Не то чтобы они когда-либо придерживались монотеизма — или веры в единого личного Бога, отличного от Исиды, согласно Плутарху. Вселенная. Но если Плутарх точен — в чем, кажется, нет причин сомневаться в его описании надписи в храме Исиды, — они, или, по крайней мере, самые духовные из них, нашли убежище в пантеизме. Ибо преображенная и прославленная богиня считалась не создательницей Вселенной, а отождествленной с ней и, следовательно, непознаваемой: "Я есть все, что было, есть или будет; и ни один смертный не приподнимал моего покрывала". Распространенность такого пантеизма, по крайней мере среди ученых и духовных лиц древнего Египта, в значительной степени подтверждается другими греческими писателями, помимо Плутарха. Но надпись, отмеченная Плутархом, дает общее представление о том, что они нам сообщают.

Греческий пантеизм

Прежде чем рассматривать классические и неоплатонические греческие рассуждения, обычно рассматриваемые как пантеистические, нам не мешало бы напомнить об огромной разнице между установившимся укладом теологической мысли наших дней и смутными или, в лучшем случае, поэтически яркими идеями древних. Ибо долгая традиция, насчитывающая почти две тысячи лет, которая сделала монотеизм для нас почти таким же непреложным допущением, как вера в нашу собственную индивидуальность, в данном случае совершенно отсутствовала. Не то чтобы идея о существовании единого верховного Бога, развившегося из политеизма, никогда не выдвигалась. Но время от времени выдвигалась не еврейская или христианская идея; ибо в этническом сознании она редко, если вообще когда-либо, рассматривалась как несовместимая с политеизмом; и, следовательно, она граничила с пантеизмом. "Следовательно", - говорю я, потому что такой монотеизм, какой существовал, неизбежно должен был объяснять бесчисленные второстепенные божества как эманации или проявления верховного Бога. И хотя такие сознательные попытки примирить веру во многих богов и в одного Всевышнего были ограничены небольшим меньшинством медитирующих священников и философов-спекулянтов, все же на самом деле это сочетание подразумевалось в той разновидности политеистической религии, которая обладала семейными привязанностями и патриотическими ассоциациями раннего греческого мира.

Объектом Поклонения была не Материальная Фигура, а Предполагаемое Божество.

Ибо, хотя нам может быть трудно избавиться от предрассудка, привитого в основу нашей ранней веры детскими уроками, на самом деле набожные люди поклонялись не высеченному или расплавленному истукану, а той форме сверхчеловеческой силы, которая поместной случайности была отождествлена с "идолом". Если бы мы действительно предположили, что каждый "идолопоклонник" получил определенное религиозное учение, аналогичное тому, которым мы сами были пропитаны в юности, мы вполне могли бы счесть его позицию непостижимой. Но у него не было ничего подобного. Он знал только, что на войне, на охоте, в рыбной ловле, в сельском хозяйстве он сталкивался с силами, которые были выше его понимания; и традиция внушала ему ожидание, что эти силы будут умиловлены его поклонением изображениям, установленным в их названиях. Таким образом, не существовало обоснованного вероучения, подобного вероучениям католической и Реформатской церквей, а лишь смутное чувство, акцентированное ассоциациями со святыней. Исходя из такого взгляда на политеизм, легко понять, как большинство, если не все, старых философов-спекулянтов

могли допускать существование традиционных богов, даже когда в ходе разумного размышления они видели, что все божества подчинены единому универсальному Богу и слиты в нем.

Возможное влияние Восточного пантеизма.

Насколько эта неустойчивая религиозная позиция была подвержена влиянию восточного мистицизма, на который мы уже обратили внимание, во всяком случае, применительно к классической эпохе греческой философии, остается предметом догадок. Но возрождение доисторической и почти забытой цивилизации из погребенных городов Крита выявило множество свидетельств частых сношений за две или три тысячи лет до христианской эры между европейскими и египетскими, или азиатскими, центрами жизни. Следовательно, мы вполне можем полагать, что на самых ранних этапах эволюции мысли на Востоке и Западе было так же невозможно, как и в настоящее время, чтобы какая-либо местная школа мыслителей была абсолютно оригинальной или независимой. Таким образом, более поздние греческие философы, слышали ли они сами отголоски индуистского учения или нет, вполне могли вырасти в атмосфере, пропитанной мифическими микробами, происхождения которых они не знали. Но как бы то ни было, греческий пантеизм, хотя и имел много точек соприкосновения с восточными умозрениями, был более чисто интеллектуальным и менее религиозным по сути, чем пантеизм Вед или торжественный сон, посещавший египетские храмы. Ибо, в то время как стремлением индуистских пантеистов было найти и принять правильное отношение к "славе совокупности вещей", греки, как много лет спустя сказал святой Павел, "искали мудрости" и были очарованы идеей свести все сбивающее с толку разнообразие Природы к какому-то одному "принципу" ([греч. archê]), началу, первоисточнику. Фалес, около 640 г. до н.э. Таким образом, Фалес Милетский, живший в конце седьмого - начале шестого века до н.э., как говорят, был удовлетворен, когда обнаружил в воде — или влаге — высший принцип, из которого произошли все вещи и вся жизнь, включая богов и людей. Подобные рассуждения о младенческой философии нас здесь не касаются, за исключением того, что это не был пантеизм в понимании нового времени. Ибо, хотя самые способные его сторонники признают, что не осталось достаточных доказательств, чтобы очень ясно показать, что он имел в виду, кажется, нет оснований предполагать, что для него Вселенная была Живым Богом.

Преемники Фалеса.

Было бы бесплодно рассказывать, как последователи Фалеса варьировали его теорию высшего "принципа", заменяя воду воздухом или огнем. Но стоит отметить, что другой гражданин Милета, Анаксимандр, спустя примерно сорок лет заявил, что началом, первоосновой, источником всех вещей была не вода, не воздух и не огонь, а Бесконечность ([греч. to apeaon]). И хотя лучшие авторитеты признают, что они не могут быть уверены в его значении, это вполне может быть потому, что он опередил Герберта Спенсера на два с половиной тысячелетия, признав, что все вещи сливаются в одном и том же Непознаваемом. Но, насколько нам известно, он не предпринимал таких попыток, как современные философы, убедить религиозный инстинкт в том, что это Непознаваемое может заменить всех богов.

Ксенофан Элейский, около 570-480 гг. до н.э.

Позиция Ксенофана, который во второй половине VI века до н.э. мигрировал, очевидно, по политическим причинам, в страхе перед персидским империализмом, из Колофона в Малой Азии в Элею в Италии, была немного иной и, для нашей цели, более интересной. Ибо несколько фрагментов, которые, к сожалению, являются всем, что осталось нам от его философской поэзии, сильно наводят на мысль о пантеизме, и интерпретация, данная им более поздними классическими и неклассическими авторами, у которых были его работы до них, оказалась бы решающей. Правда, выдающийся и просвещенный ученый Симон Карстен, который в первой четверти девятнадцатого века с любовью занимался сбором и редактированием останков ранних греческих философов, осудил такое суждение. Тем не менее, хотя мотивы его особого ходатайства были благородными, видя отвратительные искажения пантеизма, его пантеизм все еще оспаривался, но был твердо установлен. распространенные на родине голландского ученого искажения, не рассеянные даже великолепием Спинозы, — его протест по-прежнему вызывает особую мольбу. И он сам откровенно цитирует предполагаемую работу Аристотеля — возможно, всего лишь студенческие записи лекций последнего — а также из Симплиция, как сообщает Теофраст в комментарии к физике Аристотеля, предложения, которые описывают систему Ксенофана как несомненно пантеистическую. Из того, что описываю я Его Религию. поймите, что набожный философ рассматривал Бога как единственное реальное Существо, включая все, что на человеческом языке было, есть и будет, без начала и конца, живущее и воспринимающее одинаково повсюду во всей Своей бесконечной сущности. И если Ксенофан сравнивает эту сущность со сферой, не ограниченной и не безграничной, не движущейся и не неподвижной, то это только потому, что мало кто, если вообще кто-либо, в ту эпоху мира мог удовлетвориться лояльным принятием ограничений, налагаемых на человека самой природой вещей, ограничений, которые сейчас вынуждают нас признать, что, хотя Вечный более реален, чем мы сами, все же, в строгом смысле знания, Он, с интеллектуальной точки зрения, Непознаваем.

Степень его симпатии к популярной религии.

Этот пантеизм не вызвал у Ксенофана никакого высокомерного презрения к религии его времени. Ибо, хотя он и осуждал в часто цитируемых словах безумие, предполагавшее, что боги имеют человеческий облик, чувства, страсти и аппетиты, он все же был рад поклоняться божественному как частично проявленному в конечных существах — возможно, персонифицированным силам На пантеистическом Пиршестве Причастия. о природе. Так, среди фрагментов его поэзии, к счастью сохранившихся, есть одна изысканная жемчужина - описание праздничного застолья на свежем воздухе. Там чистота стоит на первом месте, что символизируется чистым полом, чистыми руками и безупречно чистой посудой. За чистотой стоит красота, но не в формах, желанных чувственной страстью, а в гирляндах цветов и нежных ароматах. Вино без примесей, но выдержанное с добавлением газированной воды. Но, чтобы изобилие хлеба, меда и сыра на роскошном столе не затмило наивысших проявлений человеческой радости, алтарь, занимающий видное место в праздничной сцене, завален подношениями из цветов. Тогда первая нота музыки - это восхваление Бога, восхваление, принимающее форму безупречных поэтических мифов и святых мыслей. На таком пиршестве умы гостей загораются желанием быть способными поступать правильно. "Нет ничего плохого в том, чтобы пить в разумных количествах"^[10]; и мы можем почтить гостя, который, согретый вином, рассказывает о таких благородных поступках и примерах добродетели, какие может подсказать его память. Но пусть он не рассказывает ни о битвах Титанов, ни о великанах или кентаврах, ни о вымыслах давно минувших дней, ни о междоусобных ссорах, ни о сплетнях,

которые не могут привести ни к чему хорошему. Лучше давайте всегда сохранять чистую совесть по отношению к богам".^[11]

Уделив так много места древнему человеку, который кажется мне особенно интересным как пророк окончательного апофеоза земных религий, я должен довольствоваться указанием в очень немногих строках на развитие пантеистической традиции среди греков после его дней. Арифметический мистицизм Пифагора не имеет никакого отношения к нашему предмету. Эмпедокл, середина Пятого века до н.э. Эмпедокл из Агригента, живший примерно в середине пятого века до н.э. и, таким образом, возможно, во втором поколении после Ксенофана, был во многих отношениях гораздо более впечатляющей фигурой — одетый в пурпур, обладающий политической властью, медицинскими навыками и даже творящий чудесные исцеления, которые, по-видимому, легко поддаются личному впечатлению, симпатии и "магнетизму". Но он, по-видимому, не настолько предвосхитил современный пантеизм, как это сделал его более скромный предшественник. Ибо, хотя фрагменты Эмпедокла, гораздо большие по объему, чем фрагменты Ксенофана, определенно намекают на некое вечное единство вещей и прямо говорят нам, что нет ни творения, ни уничтожения, а только постоянные изменения устройства, все же они представляют другие направления мысли, явно несовместимые с доктриной о том, что нет ничего, кроме Бога. Таким образом, он учит, что есть четыре элемента — земля, воздух, вода и огонь, — из которых возникает все сущее. Он также предвосхищает Лукреция в его пессимистическом взгляде на судьбу человечества и настаивает на внешне независимом существовании принципа раздора во Вселенной. Было бы вынужденной интерпретацией предполагать, что он преждевременно выдвинул дарвиновскую теорию борьбы за жизнь. Ибо его представление кажется гораздо более близким к зороастрийскому воображению Аримана. И снова он мелодично, но крайне нефилософски поет о прежнем золотом веке, в котором лев и ягненок, казалось бы, мирно возлежали рядом, а деревья круглый год приносили плоды. В то время единственным божеством была Венера, которой поклонялись только бескровными подношениями. Тем не менее, следует помнить, что, независимо от того, последовательно это или нет, Эмпедокл создал сложную работу о природе вещей, а не был пантеистом в полном смысле этого слова. На что Лукреций дает красноречивые и искренние подтверждения. Но само это одобрение Лукреция запрещает нам рассматривать старшего поэта как пантеиста в нашем понимании этого термина. Ибо, конечно, для него Вселенная не могла быть живым Богом.

Генезис современного религиозного пантеизма.

Между этой философской идеей Единства, не мыслимого как Бог, и духовным созерцанием универсальной Жизни, формами которой являются все вещи, витали высочайшие мысли людей во время процесса, посредством которого, в некоторой степени под посторонними влияниями, греческая спекуляция в конце концов породила неоплатонизм - или, как мы могли бы сказать, используя современную фразеологию, — повторное изложение учения Платона. В этой школе, возникшей в первые века христианства, некоторые лидеры, несомненно, были пантеистами. Но мы не можем сказать этого ни о самом Платоне, ни о его учителе Сократе. Ибо, хотя эти великие люди были более глубоко заинтересованы в моральном устройстве мира, чем в каких-либо вопросах физической природы или даже метафизических тонкостях, они никогда не были склонны к такого рода созерцанию, предложенному выше в выдержках из Классических книг Востока, созерцанию, которое выводит моральный идеал из безоговорочного подчинения себя Вселенной как части Целому. Несомненно, вдохновение, переданное Сократом ученику, превосходящему его простым интеллектом, и вытекающие из этого моральные и религиозные

внушения, которыми изобилуют Диалоги, во многом подтолкнули течение религиозной эволюции к тому духовному аспекту Бесконечного Всего, который очаровал некоторых неоплатоников и получил свое самое великолепное изложение у Спинозы. Но условия, налагаемые необходимой краткостью, вынуждают меня с этим признанием пройти мимо этих классических имен и поспешить к более полному раскрытию пантеизма как религии.

СНОСКИ:

[2] Некоторые ученые полагают, что они могут проследить влияние христианства в исключительно поздней Бхагавад-гите, цитируемой ниже. Но это спорный момент; и, конечно, в случае с Ведами и возникшей на их основе дохристианской литературой даже еврейское влияние было невозможно.

[3] Поскольку повелительная краткость исключает полное объяснение, я должен довольствоваться ссылкой на *"Религию Вселенной"*, стр. 152-5. Лондон: Macmillan & Co.

[4] Согласно покойному Максу Мюллеру, с которым согласен проф. Т.В. Рис Дэвидс, слово Упанишада эквивалентно нашему слову "сидение" или "сессия"; только обычно оно ограничивается сидением учителя и ученика.

[5] *Священные книги Востока*, том I, стр. 92. Непосредственно следующие цитаты взяты из той же Упанишады.

[6] "Боги океана, воздуха и огня и судья нижних областей соответственно" (преподобный Джон Дэвис).

[7] "Бхагавад-гита", переведенная преподобным Дж. Дэвисом, магистром медицины

[8] Кармой была не душа. Что это было, по мнению наших авторитетов, западному уму очень трудно постичь. Но его практический эффект заключался в том, что после смерти несовершенного человека его место обязательно занимало какое-то другое конечное существование. Но это новое конечное существование не было прежним человеком. Только после смерти того, кто достиг Нирваны, Карма перестает действовать, и никакое новое конечное существование не занимает его место.

[9] См. Статью профессора В. Макса Мюллера "Египет" в *Энциклопедии. Библия*.

[10] "Возможность дойти домой без посторонней помощи" - это предел, причудливо установленный поэтом. На наш современный взгляд, он кажется довольно широким. Тем не менее, практически это предел, который, по общему признанию, соблюдают наши трактирщики при обслуживании своих клиентов.

[11] Карстен, *Xenophanis Reliquiae*, стр. 68 (Амстердам, 1830). И парафраза, и случайные переводы, которые я привожу, конечно, свободны; но я думаю, что дух и смысл сохранены.

ГЛАВА II

ПОСТХРИСТИАНСКИЙ ПАНТЕИЗМ.

Говоря о неоплатонизме, я случайно упомянул о его очевидной подверженности "посторонним влияниям", к которым, конечно, относилось растущее могущество христианства и его еврейских традиций.

Еврейская традиция.

Еще до появления нового откровения еврейские поселения, существовавшие во всех крупных городах греко-римского мира, вызывали интерес, во всяком случае, у сентименталистов, тронутых тем очарованием, которое в то время начинали проявлять восточные религии. И этому влиянию еврейских традиций во многом способствовало существование греческого перевода еврейских писаний.

Итак, то, что еврейская традиция сделала для греческой философии, было, конечно, ее влиянием на греческую философию. не для того, чтобы поддержать его пантеистическую тенденцию, там, где она существовала, но гораздо больше для того, чтобы превратить такой полупантеизм из простой интеллектуальной спекуляции в созерцательную преданность. Ибо сам иудаизм стал почти таким же вдохновляющим на Набожность, а не решающим проблемы, глубоко монотеистичным, как поздний ислам. И хотя монотеизм может быть этапом в развитии религии от анимизма к пантеизму, он также может из-за особой интенсивности личной преданности, которую он иногда вдохновляет, привести к тому, что сама идея дальнейшего распространения веры будет считаться грехом.

Возможно, влияние еврейства на эллинизм можно проиллюстрировать на примере Филона, александрийского еврея. Трогательная попытка александрийского Филона не только проследить мудрость греков до Моисея, но и показать, что это заимствованное знание гораздо полезнее, когда оно вновь наделено духовной силой и горячей преданностью еврейской вере.

"Если кто-нибудь скажет прямо", - пишет он,^[12] "он мог бы сказать, что умопостигаемый мир есть не что иное, как слово (см. [Греч. logos], разум) Бога-творца мира. Ибо и умопостигаемый город не является ничем иным, как мыслью [греч. logismos] архитектора, уже намеревающегося построить город. Это учение Моисея, не мое. Во всяком случае, в дальнейшем, когда он описывает происхождение человека, он прямо заявляет, что человек был создан по образу Божьему. Но если часть (творения) отражает тип, то и все проявление должно быть таким же, этот умопостигаемый упорядоченный мир, который является воспроизведением божественного образа в большем масштабе, чем человеческий".^[13]

Как Филону удалось выудить это из Пятикнижия - вопрос интересный, но я не могу откладывать его решение. Достаточно того, что, хотя он мотивирует свое искажение еврейства. таким образом он продемонстрировал свое почтение к традициям своей расы, вся его цель - воспламенить философию религиозной преданностью. Но он не был пантеистом в каком-либо строгом смысле этого слова, хотя и рассматривал Логос как эманацию Вечного, а космос, упорядоченный мир, каким-то образом исходил из Логоса. Возможно, действительно, если бы

мы могли исключить не пантеистическую идею времени из эманации, как это, как предполагается, делают христиане, когда они говорят о "вечном зарождении" Божественного Сына или "исхождении" Святого Духа, мы могли бы рассматривать Филона, с последующими неоплатониками и некоторыми гностиками, как приблизительно пантеистическую. Но его расплывчатость и неуверенность в материи не позволяют сделать такой вывод. Ибо рассматривал ли он материю как вечно существующую отдельно от божественной субстанции, или же он рассматривал ее как противоположность Бытию, как своего рода положительное ничто, в любом случае нельзя сказать, что для него вся Вселенная была Богом, и ничем иным, кроме Бога.

Если я уделил великому александрийскому еврею больше места, чем могли позволить мои узкие рамки, то это потому, что я думаю, что таким образом смогу избежать неоплатонизма. необходимости много говорить о философских схемах неоплатоников, фантазиях гностиков или иногда смелых спекуляциях Отцов христианства. Ибо независимо от того, были ли труды Филона хорошо изучены греками или нет, они, безусловно, описывали Результат контакта между Востоком и Западом. духовный результат, так сказать, возникающий в результате взаимного влияния западных и восточных, особенно еврейских, идей. Результат этого "вита в воздухе" с первого столетия христианской эры; и более поздние послания, приписываемые святому Павлу, а также Четвертое Евангелие демонстрируют явные следы этого.^[14]

Но вдохновение духа времени не ограничивалось христианской церковью. Ибо город Александрия, где этот дух, по-видимому, был особенно силен, как показано в преображенном иудаизме Филона, был Его религиозным Вдохновителем. родина неоплатонической школы, о которой уже упоминалось выше. И среди ее величайших представителей, таких как Плотин, Порфирий, Прокл, религиозное влияние Востока было отчетливо заметно. Верно, они следовали Сократу и Платону в благоговении перед знанием как неизменным источником добродетели. Но их рассуждения о божественном Существо были проникнуты восточными эмоциями. И мы можем с некоторой уверенностью полагать, что их развитие платоновской Троицы во многом было обязано быстрому распространению христианства. Таким образом, чувство, пыл, стремление к "спасению", поклонение и набожность, которым учили лучшие из неоплатоников, пришли не столько из Афин, сколько с Сина и Галилеи. И все же, хотя в их мировоззрении было много предвосхищений, наводящих на мысль о пантеизме, но не о таковом в смысле Спинозы. Евангелие "опьяненного Богом человека", которого советы Вечного приберегли для полноты времен, вряд ли было бы точным описывать систему любого из них как строго пантеистическую. Ибо их всегда беспокоила "материя" как аномальная вещь в божественной вселенной, и, рассматривая ее, они колебались между представлением о вечной помехе, которую Демиург, или действующий Бог, мог только изменить, но не уничтожить, и, с другой стороны, натянутой теорией злого ничто, которое все же является чем-то. Опять же, столь далекие от осознания веры Спинозы в Бога как в буквальном смысле Всего во Всем, что нет ничего, кроме Него, они не потерпели бы соприкосновения Бесконечного с конечным, Бога с миром. Руководствуясь такими предположениями, они упрямо придерживались представления о каком-то начале, а следовательно, и о каком-то конце упорядоченного мира. И это начало было осуществлено такими эманациями, как Логос, или, как говорили другие, мировая душа и другие божественные энергии, находящиеся между Вечным и творением; фантазия, которая, какой бы поэтичной она ни была, на самом деле не согласуется с пантеизмом.

Такие идеи иерархии подчиненных эманаций, призванных заполнить предполагаемую пропасть между Бесконечным и Конечным, были охотно приняты и гностиками. разработан псевдофилософами, называемыми гностиками, по обе стороны границы между Церковью и Миром. Достаточно того, что, подобно большинству, хотя далеко не всем своим предшественникам, они рассматривали мир земли, солнца, планет, звезд и одушевленной природы с человеком во главе, как всю Вселенную; и, предполагая, что у нее должно было быть начало, они терзали свои души тщетными попытками сформулировать какой-то постепенный переход от несотворенного к сотворенному, от вечного к смертному. Порожденные таким образом гротескные химеры вспоминаются сейчас только как иллюстрации легкого перехода от возвышенного к смешному и от философии к безумию.

Отцы Церкви.

Отцы православной церкви были не менее осведомлены, чем неоплатоники или гностики, о вечной проблеме Многих и Единого. Но их удерживала, возможно, "вера, которая приходит от самоконтроля", возможно, простой здравый смысл, от попыток связать Бесконечное с Конечным с помощью "тщетных генеалогий". Действительно, по большей части они признавали, что какой бы свет Евангелие ни могло пролить на моральные проблемы, оно оставляло нетронутым главный вопрос об отношении Бесконечного к Конечному. И единственный аспект их самых смелых спекуляций, о котором мне нужно напомнить, - это их настойчивость, даже когда она явно граничит с пантеизмом, в отношении трансцендентного, а также имманентного Бога, то есть Творца, существующего, так сказать, вне Вселенной и отдельно от нее, а также пронизывающего каждую ее часть. Так, например, Августин, по-видимому, отрицает существование в мире какого-либо отдельного создания, когда он говорит, что, если бы не божественность, присутствующая повсюду в нем, творение перестало бы существовать. Но в своем настаивании на сотворении мира из ничего он прямо противоречит пантеизму, потому что его обязательно следует понимать как означающее, что теперь есть нечто иное, чем Бог.

В том, что были набожные христиане, чьи мистические рассуждения об отношениях души с Вечным логически вытекали из пантеизма — если логика в таком случае имела какую-либо функцию, - не может быть никаких сомнений. Но для большинства из них "Написанное слово Божье", казалось, подтверждало известное им слово Божье на небесах и на земле, провозглашая, что было начало и должен быть конец. Следовательно, какой бы ни была имманентность Творца в Его творениях, Бог не мог, по их мнению, отождествляться с "образом мира сего", который "преходит".

Однако приближалось время, когда Божественное слово как в Священном Писании, так и в Природе должно было читаться иначе. Ибо люди начали узнавать, что Библия была иной, чем они предполагали, и Вселенная неизмеримо больше, чем они себе представляли.

СНОСКИ:

[12] *Международное обозрение*, стр. 5В. Я полагаю, что он имеет в виду под [греческим: *kosmos poëtos*] — мир, воспринимаемый — реализуемый в нашем сознании.

[13] Следует отметить, что Филон, который был современником Иисуса, часто использует титул "Отец" [греч. *ho Pater*] как достаточное обозначение Вечного. Это было не совсем обычно и

наводит на мысль об определенных духовных симпатиях на фоне огромных интеллектуальных расхождений между александрийским философом и галилейским пророком.

[14] Смотрите главы i. 15-17 и ссылки. Иоанна i. 1-3; iii. 13; viii. 58.

ГЛАВА III

СОВРЕМЕННЫЙ ПАНТЕИЗМ.

Спиноза.

Современный пантеизм как религия начинается со Спинозы. Им ли он закончился - вопрос, который предстоит решить будущему. Но знамения времени, по крайней мере, на мой взгляд, совершенно явно свидетельствуют против такого вывода. И среди предзнаменований, предвещающих бессмертие, не обязательно для философской схемы, но для "опьяненной Богом" набожности его пантеизма, есть желание, или, скорее, все более осознаваемая настоятельная потребность в религии, эмансипированной от теорий пантеистического Пророка. творение или телеология, нетерпимая к любому чуду, за исключением, конечно, чудес духовной жизни, и удовлетворяющая сердце вездесущим Богом. Ибо следует помнить, что Спиноза был первым пантеистом, который был также пророком в том смысле, что доносил божественный голос бесконечной Вселенной до ее человеческих составляющих частей. Не то чтобы я хотел преуменьшить религиозный пыл неоплатоников: именно их пантеизм кажется несовершенным. Но в лице Спинозы мы имеем человека, который, унаследовав от рождения традицию — я бы даже сказал, апостольскую преемственность — еврейских пророков, и одаренный пониманием завершения этой традиции в Иисусе Христе, был Главным Предметом здесь своей Религии, а не своей философии. побуждаемый властным интеллектом отделить духовную жизнь, которую он ценил, от вероучений, ставших для него Невозможными, и утвердить ее в более достойном храме вечной Вселенной, идентичной Богу. Таким образом, меня не столько интересует его философия, сколько его религия.^[15]

Ни одному человеку не дано быть абсолютно оригинальным в смысле создания Своей Оригинальности. идеи, о которых до него не было и зародышей. Но, несмотря на такую невозможную независимость от прошлого, Бенедикт де Спиноза обладал, пожалуй, такой же оригинальностью, как и любой другой когда-либо живший человек. И все же со скромностью, всегда свойственной моральному величию, он сам был склонен, во всяком случае, на ранних этапах своего философского развития, преувеличивать свое отношение к Декарту. в долгу перед философом Декартом, чью систему он старательно сократил в неподходящей форме ряда положений, которые, как предполагалось, должны были быть продемонстрированы в духе Евклида.

Фундаментальные различия.

Но какой бы ни была эзотерическая вера Декарта в сотворение мира из ничего и связанные с ней теологические догмы, он придавал слишком большое значение социальным и политическим функциям установленных церковных институтов, чтобы объявлять себя независимым от них. И хотя его покорность, проявленная на смертном одре, не препятствовала самой свободной работе его блестящего интеллекта в пределах, дозволенных бывшим церковным "схоластам", она помешала его искреннему осознанию вечного единства всего сущего. Ибо это заставило его сохранить веру в Творца, отличного по сути от того, что Спиноза отвергает Творца и Творение, Созидание. Такую веру Спиноза полностью отверг. Ибо, хотя его "Natura Naturans", или Природа Активная, может быть в некотором роде названа Творцом его "Natura Naturata", или Природы Пассивной, они единосущны и совечны, не будучи ни до, ни после друг друга. Начало и Конец. Таким образом, для него не было начала Вселенной и не могло быть конца. Не было ни сотворения из ничего, ни какого-либо предзнаменования усталости, разложения или смерти в вечном порядке. Фактически он учит нас принимать Вселенную такой, какая она есть, и не совать нос в предполагаемые тайны происхождения или конца - совершенно безвозмездный труд, навязанный иллюзиями, возникающими из-за того, что мы принимаем Вселенную такой, какая она есть. непрерывное перераспределение частей Целого. Вместо того чтобы таким образом тратить нашу ментальную энергию впустую, он хотел бы, чтобы мы рассматривали все Сущее как единую Субстанцию, характеризующуюся бесчисленными атрибутами, из которых только Протяженность и Мысль доступны нашему человеческому познанию; в то время как каждый Атрибут подвержен бесконечным Модусам или модификациям, которые по своему воздействию на два известных нам атрибута — протяженность и мысль — составляют вселенную нашего опыта. Это бесконечное и И поклоняется Статичному Целому как Богу. вечная Субстанция, раскрываемая Атрибутами и их Модусами, есть Бог, абсолютный в Своих совершенствах, если бы Его можно было полностью постичь и познать во всех Его действиях. И даже для нашего невежества Он очарователен Своим постепенным самораскрытием, поскольку с нашими неадекватными идеями мы стремимся к недостижимому от славы к славе.

Этот взгляд на Вселенную применим к гражданскому псалму.

Итак, это первое замечание, которое мы делаем к евангелию Спинозы. Но если кто-то думает, что священное слово "евангелие" здесь употреблено неправильно и что такое учение пагубно для благочестия, пусть он обратится к 104-му Псалму и прочтет, с точки зрения Спинозы, космическое видение еврейского провидца. Правда, мы больше не можем думать о сверхъестественном плотнике, который работает над "балками своих покоев" наверху, или о мифическом инженере, который копает глубоко в темноте, чтобы "заложить основы земли". Ибо это и есть поэзия, апеллирующая к эмоциям конкретными образами. Но это не привязывает интеллект к буквальному толкованию; и мы больше не терзаемся напрасными попытками примирить с бесконечными невозможностями получеловеческую личность, представленную в поэтическом обличье. Таким образом, видение провидца теперь является для нас намеком на бесконечное и вечное Существо, атрибуты которого в результате модификации принимают бесчисленные формы солнца, луны и звезд, гор и реки, дерева и цветка, птицы, зверя и человека. И ветры, которые проносятся, и наводнения, которые накатывают, и скалистые барьеры, которые стоят прочно, и реки, которые петляют среди холмов, и деревья, которые цветут, и живые сообщества, которые собираются в плодородных местах, труженик в своем винограднике, моряк на своем корабле - все находится в одном Вечном Существом и принадлежит ему. И все же мы повторяем слова псалмопевца не с меньшим, а, возможно, и с

большим благоговением, чем верующие в божественного ремесленника: "Господи, как многообразны дела Твои! в мудрости Ты сотворил их все: земля полна Твоих богатств". Но если гром, пылающий огонь и стремительный потоп кажутся диссонирующими, то они существовали для Псалмопевца так же, как и для нас, и, похоже, не смутили его. Поэтому здесь нам нужно только сказать, что религия Спинозы о единой божественной Субстанции, чье единство в многообразии свято, должна будоражить в нас с не меньшим пылом, по крайней мере, дух заключительной молитвы псалмопевца: "Да истребятся грешники с лица земли и да не будет больше нечестивых".

Спиноза не материалист,

Утверждение Спинозы о протяженности как одном из двух бесконечных божественных атрибутов, познаваемых нами, с определенной долей правдоподобия рассматривалось как признак материализма. И этот упрек был подкреплен ссылкой на его настойчивое утверждение, что в человеке тело и душа - это всего лишь два различных аспекта одного и того же; ибо для него, несмотря на то, что он приписывал "Протяженность" Богу, тело - это конечный Вид бесконечного атрибута Бога протяженности, а душа - конечный вид бесконечного атрибута Бога мысли, в то время как оба являются проявлениями единой вечной божественной Субстанции. И все же, если мы каким-либо образом должны рассматривать Бога как нечто протяженное, кажется невозможным избежать вывода о том, что мы рассматриваем Его как отождествляемого с материей, или, по крайней мере, Критики сэром Ф. Поллоком возможности материи. Сэр Фредерик Поллок признал, что это слабое место в философии Спинозы,^[16] и нарушает ее симметрию. Но, поскольку меня больше интересует его религия, я удовлетворен указанием на то, что такое возражение было гораздо более эффективным во времена Спинозы, чем изменения в теориях материи со времен Спинозы. сегодня. Ибо вся философская тенденция девятнадцатого века была направлена на рассмотрение Протяженности как способа мышления и, следовательно, на поглощение одного из теоретических божественных атрибутов Спинозы другим.

Их влияние на его Организм.

Теперь, если окажется, что это постоянная тенденция наиболее влиятельных мыслителей — что действительно кажется наиболее вероятным, — вероятно, будет сочтено, что Спиноза ошибался, приписывая протяженность Вечному как одно из качеств Его субстанции, за исключением того, что протяженность является если не необходимым, то, во всяком случае, актуальным и, насколько нам известно, универсальным способом мышления. Но хотя, как указал сэр Фредерик Поллок, Спиноза в некотором смысле "дважды обдумал", рассматривая единственные два бесконечных атрибута, познаваемых нами, нам не нужно по этой причине отказываться от его светлой идеи Бога как Существа абсолютно бесконечного, то есть "Субстанции, состоящей из бесконечных Атрибутов, каждый из которых выражает вечное и бесконечное бытие". Нам также не нужно отказываться от его дополнительной, но существенной идеи о "Модусах" или "модификациях", которые придают атрибутам форму многообразия конечных миров, известных и неизвестных. Таким образом, может случиться так, что в понимании слова "Атрибут" Спинозой нам придется признать, что только один из них доступен нашему человеческому пониманию - это Мысль в том смысле, который включает в себя чувство. Но если покойный Герберт Спенсер, помимо своей синтетической философии явлений, оставил какой-либо постоянный след в религиозном сознании, то это было

посвящение в тайну предельного Непознаваемого.^[17] И в духе благоговения, которому он так учил, мы все еще можем придерживаться мнения Спинозы о том, что Вечное обладает бесконечностью других атрибутов с их бесконечными модификациями, недоступными нашему пониманию. Это было бы лишь расширенным применением слов Гамлета:

- На Небе и на Земле есть еще кое-что, Горацио,

О чем мечтает ваша философия".

Или, другими словами, воспринимаемая нами Вселенная - лишь одна из бесконечного множества Вселенных. Под которым подразумевается не бесконечное распространение галактик в пространстве, а сосуществование и, так сказать, взаимопроникновение бесконечного количества способов существования, незаметных для нас.

Бог тождественен всему Сущему.

Таким образом, для Спинозы Бог - это совокупность Бытия. Но из этого не следует, что он отождествлял Бога с видимой или с какой-либо мыслимой Вселенной. Ибо и то, и другое должно быть далеко от бесконечности, а Существо Бога бесконечно. Все, что я имею в виду, когда говорю, что Спиноза отождествляет Бога со всей полнотой существования, это то, что он рассматривает божество как Совершенное Существо без начала и конца, чьей сущностью оно должно быть, и чьим все существующее, известное нам или нет, по отдельности является частичным и всеобъемлюще совершенным выражением.

Его учение о человеке.

Возможно, более практический интерес для нас представляет учение Спинозы о человеке, хотя было бы невозможно объяснить это, не указав сначала на его идею Бога. Таким образом, с его точки зрения, человек - это конечный вид двух божественных атрибутов, протяженности и мысли. Таким образом, и протяженное тело, и сознательный разум имеют свою субстанцию и реальность в Боге.^[18] Но сущность человека не обязательно предполагает его отдельное существование, поскольку сущность Бога подразумевает Бытие. Конечно, сущность человека нетленна, потому что она принадлежит Богу. Более того, в каком-то смысле каждый человек, будучи вечной мыслью Бога, имеет отношение к вечности или существует "sub specie eternitatis". Но это истина, выходящая за пределы конечного практического мира, с которым нам приходится иметь дело.

Согласно Спинозе, то, что составляет истинную сущность человеческого разума, - это (божественная) идея о реально существующем определенном индивидуальном существе.^[19] Здесь, возможно, современные рассуждения о строении материи могут помочь нам — если мы используем их с должной сдержанностью — понять понятие Спинозы о "res singularis in actu" — или, как это можно свободно перевести, "существо с индивидуальными функциями", что иллюстрируется Теорией Вихря. так называемая "вихревая теория", хотя и столь же старая, как картезианская философия, недавно приобрела внезапную известность. И независимо от того,

является ли это предположение лишь преходящей фазой человеческой мысли о Непознаваемом или нет, оно в равной степени отвечает цели иллюстрации. Таким образом, предполагается, что так называемый "эфир" заполняет все пространство; и внутри него существуют воображаемые или предполагаемые бесчисленные "турбийоны" или "вихри", которые, хотя и являются частями бесконечно протяженного эфира, образуют своим автономным движением маленькие миры сами по себе. Некоторые рассматривают эти маленькие миры как атомы, которые по составу и дифференциации образуют нашу осязаемую вселенную. К возможностям такой теории я не имею никакого отношения. Но понятие вихря в эфире, возможно, поможет нам взглянуть на концепцию Спинозы, когда он говорит о "*res singularis in actu*", существе с индивидуальными функциями. Ибо для него человек был, так сказать, бесконечно малым вихрем в фазе или атрибуте божественной Субстанции. Аналогия, как и все другие аналогии, не выдерживает давления. Но это предлагает нам картину ограниченной индивидуальности в действии или функции, подчиненной различию между Человеком и Животным. единство с бесконечной Субстанцией. Если бы сказали, что такое объяснение обязательно включало бы сознательную жизнь зверей и птиц, ответ, по-видимому, был бы таков: если допустить, что это так, то все же в человеке божественная идея индивидуальности выражена более полно и имеет больше реальности, чем в любом низшем создании.

Моральные трудности.

Таким образом, согласно Спинозе, человек находится в Боге и от Бога. Но что мы можем сказать о плохих людях, подлых, подлых, лжецах, убийцах? Они тоже в Боге и от Бога? Спиноза не смущается. Да, это так. Но здесь речь заходит о его доктрине "адекватных" и "неадекватных идей". Таким образом, если вы видите красный цвет, он полностью выражает себя. Он не поддается определению и не нуждается в объяснении.^[20] Как в Бесконечной Мысли, так и в нашей. У нас есть "адекватное представление" об этом. Но теперь, если вы видите на холсте художника красное, синее и желтое пятно, часть только начатой работы, это не дает вам адекватного представления. Верно, у вас есть адекватное представление о каждом из нескольких цветов, но не об их отношении к задуманному произведению. Чтобы получить это, вам пришлось бы проникнуть в сознание художника и увидеть то, что видит он. Тогда цветное пятно заняло бы свое место как часть гармоничного целого и дало бы вам адекватную идею точно так же, как это делает художник.

Но Вселенная - это не Незаконченная Картина.

Итак, согласно Спинозе, когда мы видим вещи такими, какими они предстают в Бесконечном Мышлении, у нас есть адекватная идея. Но если мы видим только составной элемент в идее, скажем, божественного Художника, тогда наша идея неадекватна.^[21] Следовательно, мы неправильно судим о вещах. И о роли, которую плохие люди играют в божественном Целом, мы, конечно, не имеем адекватного представления. Но и здесь мы должны быть осторожны со злоупотреблением иллюстрациями. Ибо из этого не следует, что Спиноза рассматривает Вселенную как незаконченную картину, завершение которой оправдывает начало. Напротив, Вселенная для него вечна, необходимое выражение бесконечных атрибутов вечного Бытия. И все же аналогия может нам помочь. Ибо концентрация внимания на отдельной части упорядоченного целого может, с такой же вероятностью, как и взгляд на незаконченную работу, привести к возникновению неадекватной идеи. По сути, предполагается, что если бы мы,

подобно Богу, могли созерцать бесконечную Вселенную всю сразу, то Это было бы Вечное Целое, частичное рассмотрение которого вводит в заблуждение. адекватное представление об этом, другими словами, если бы мы могли подняться к самосозерцанию Вечного, мы получили бы блаженство, связанное по давней привычке со словами Псалмопевца: "Я буду удовлетворен, когда проснусь, твоим подобием". Такое блаженство, однако, лишь приблизительно достижимо в моменты мистического перенесения. И когда, как во многих случаях, мы видим только часть и имеем неадекватные представления, необходима вера в Вечное Целое, чтобы уберечь нас от богохульства.

Возобновлено учение о человеке.

С такими обязательными краткими намеками на отношение Спинозы ко злу я возвращаюсь к его доктрине человека — индивидуального создания как центра действия. О конечных причинах Спиноза и слышать не хочет. Но если вместо вопроса "какова главная цель человека" мы спросим, что такое идея человека, Спиноза ответит, что это реализация вида божественных атрибутов, Конечная Причина, замененная Идеей. протяжение и мысль. И если это покажется неудовлетворительным, давайте вспомним, что для этого набожного пантеиста божественные атрибуты и их способы были выражением самой сущности и жизни Бога. Теперь о "расширении", по уже приведенным причинам, нам не нужно утруждать себя, кроме как сказать, что, по крайней мере, учение Спинозы предполагает идею *mens sana in corpore sano*. Потому что для него разум был "идеей" тела, а тело — "объектом" ума — не совсем в современном смысле этого слова. Но что касается человеческого способа проявления божественной Свободы, Чистоты, Любви. атрибута мысли, Спиноза делает своим идеалом жизнь, поглощенную таким созерцанием "Благословенного Бога", бесконечного Целого, которое воздействует на творение вдохновением свободы, чистоты и любви.

Идея свободы.

И прежде всего, что касается свободы, Спиноза подразумевает под ней не каприз и не чудовищное чудо беспричинного действия, а независимость от внешней силы или от любой несоразмерной и незаконной страсти. Свобода, к которой он стремится, - это свобода Бога, который вечнодействует в соответствии со взаимной гармонией всех атрибутов Своей природы, ни один из которых не вступает в противоречие с другим. Итак, свободный человек у Спинозы - это тот, в ком все стремления и энергии, сходясь в одной результирующей, выражении божественной идеи, приводят его в гармонию со Вселенной. С такой точки зрения придирки по поводу "свободной воли" в смысле беспричинного действия перестают иметь какое-либо значение. Ибо если хороший человек говорит: "Я мог бы поступить иначе, если бы захотел", очевидным ответом будет: "Да, но тебе бы это не понравилось". Потому что воля - это не отдельная способность, а выражение всей природы, существующей в момент "хотения". И единственная реальная свобода - это беспрепятственный конгломератный импульс поступать правильно. Но следует ли спросить, что, если результирующий импульс всей природы направлен в сторону зла? ответ таков: в этом случае нет свободы, но есть рабство какому-то внешнему влиянию или нарушенному балансу страстей. Или если спросить, что правильно? это далеко идущий вопрос, на решение которого Спиноза направляет все свои великолепные способности. Но ограниченность пространства не позволяет мне сказать больше, чем то, что его идеал справедливости будет признан соответствующим высочайшим стандартам самых духовных религий.

Чистота.

Этот идеал я рискнул скорее символизировать, чем определять как "чистоту". Ибо после всех философских рассуждений, с которыми это не менее доходчиво, чем кропотливо разработано в последней книге его *этики* "О человеке. Свобода" — моральным результатом всех этих интеллектуальных усилий является то самое очищение души от тщетных желаний и то подчинение земного "я" своей божественной идее, которому нас учит Нагорная проповедь. И хотя, несомненно, каждый, кроме фанатичного антихристиана, должен признать большую пророческую ценность галилеянина, который мог преподавать эти возвышенные уроки так, что "простые люди слушали его с радостью", кажется трудным отрицать, что еврей-еретик из Гааги занимает второе место среди учителей, данных миру этой странно одаренной расой. Ибо, хотя он и не мог говорить с "простыми людьми", он оставил в наследство человечеству не столько философскую систему, сколько неприступный фундамент морали и религии, доступный для времени, которое сейчас надвигается на нас, — такого времени, которое предполагает автор Послания к Евреям, когда он говорит об "устранении того, что поколеблено, как и того, что создано, чтобы могло остаться то, что нельзя поколебать". Без сомнения, сэр Фредерик Поллок совершенно прав, заявляя, что Спиноза был бы последним человеком, желавшим бы любой, кто станет спинозистом. Но это вполне согласуется с бесконечным желанием вдохновенного пантеиста видеть всех людей благословленными тем внутренним покоем, который, как он доказал на собственном героическом опыте, идентичен самоконтролю, даруемому и поддерживаемому благочестивым созерцанием всеобъемлющего Бытия Бога и нашего места в нем. Итак, если я считаю чистоту лучшим символом такого морального идеала, то это потому, что это слово наряду со свободой от противоречивых страстей означает откровенное, непринужденное признание простоты наших отношений с Богом. Ибо, несомненно, когда однажды "я" совершило великую капитуляцию и становится довольным быть ничем, что, по словам Святого Павла, "Бог может быть всем во всем", вся проблема жизни бесконечно упрощается, в том смысле, что дальнейшая степень упрощения невозможна. Потому что все противоречия боли, зла и печали растворяются в этом акте капитуляции. Мы действительно должны признать, что для наших "неадекватных представлений" время часто кажется "выбившимся из колеи". Но нам не нужно вместе с Гамлетом взывать к невозможной "злобе". Ибо когда однажды искренне и преданно осознаешь, что не наши частичные пристрастия, а вечная гармония Целого является славой Божьей, мы уже предвкушаем покой погружения в Бесконечное.

Любовь.

Этот моральный идеал также не лишен священной страсти; по крайней мере, для обычных людей; хотя следует признать, что Спиноза в тишине своего священного мира игнорировал это слово. Но он по-прежнему считал, что чем шире наш взгляд на Вселенную и наше общение с ней, тем больше в нас от Бога и тем больше мы осознаем "интеллектуальную любовь" к Нему. То, что в его случае это было не бесплодное чувство, а подлинное нравственное вдохновение, было доказано его жизнью; ибо воистину "он терпел, как бы видя невидимого". И сделал он это не благодаря способностям, совершенно не свойственным людям помельче. Ибо, хотя его интеллект в некоторых отношениях был почти несравним, скорее, благодаря его самоподчиняющему созерцанию он сохранял покой. Действительно, он знал о расширенной

вселенной гораздо меньше, чем наши ученые, и его доктрины разума и мышления неоспоримыми авторитетами считаются несовершенными. Но, представляя себе, каким должен быть Бог, могли бы мы иметь адекватное представление не только о Его Существо, которое, по мнению Спинозы, у него было, но и о Его бесконечных атрибутах и их формах, которых, по признанию Спинозы, у него не было, — он провозгласил, что любовь к Богу есть самое высшее благо. И это было в высшей степени благословенно тем, что могло породить ни ревность, ни эгоизм, ни сектантское рвение, а скорее великодушное милосердие, которое собрало бы все человечество на нынешних небесах этой любви.

СНОСКИ:

[15] Описание жизни Бараха (или Бенедикта) де Спинозы не входит в рамки настоящего эссе. Но для тех, кому труд сэра Фредерика Поллока нелегко доступен, можно привести следующие подробности. Спиноза родился в Амстердаме в ноябре 1632 года в довольно зажиточной еврейской семье, родом из Португалии. Он получил тщательное обучение еврейскому языку и литературе и, кроме того, стал хорошим знатоком латыни настолько, что мог писать и вести переписку на этом языке. Он рано заинтересовался философией, и какое-то время его особенно привлекали труды Декарта. К тому времени, когда ему исполнилось двадцать три года, его заподозрили в ереси, и на двадцать четвертом году жизни (1655) он был изгнан из синагоги страшным проклятием. Семья отсеклась от него, и для своего содержания он занялся полировкой линз - ремеслу, которому уже научился в соответствии с еврейским обычаем, согласно которому у каждого мальчика должно быть какое-нибудь ремесло. То, что он зарабатывал, вряд ли можно было бы считать "прожиточным минимумом" в наши дни. Но, согласно Колерусу, его первому биографу, который расспрашивал домовладельцев, у которых жил Спиноза, его дневное содержание часто обходилось не более чем в 4-1 / 2d. Различные инциденты доказали его полное безразличие к деньгам, за исключением тех случаев, когда это было необходимо для "обеспечения честности в глазах всех людей". Несмотря на дружелюбный и общительный нрав, он вел уединенный образ жизни, хотя и был не прочь по-доброму пообщаться со своими более скромными соседями. Среди его корреспондентов были одни из величайших ученых того времени. За свою жизнь он опубликовал очень мало, оставив свое величайшее произведение в наследство миру после своей ранней смерти в Гааге от чахотки в 1677 году.

[16] "Следует отметить, что, поскольку Атрибут определяется по отношению к интеллекту, а сама Мысль является атрибутом, мысль, по—видимому, учитывается дважды". -Спиноза: Его жизнь и философия, сэр Фредерик Поллок. Второе издание, 1899, стр. 153.

[17] Конечно, верно, что Спиноза считал, что у него есть ясная и адекватная концепция Бога. Но под этим он имел в виду только то, что как философ обладал интуитивной уверенностью в вечном и бесконечном Бытии. Как и все мы, более скромные смертные, хотя мы не были бы в состоянии выразить это сами. Никто не предполагает, что в течение неопределенного промежутка времени или вечности ничего не было, а потом внезапно появилось что-то. Но если нет, то каждый признает вместе со Спинозой факт вечного Бытия, хотя, конечно, он понимал, что означает это признание, в отличие от многих. Но когда дело доходит до фактов несовершенства и невежества смертных, Спиноза со своей теорией "неадекватных идей" так же готов, как и Спенсер, признать Непознаваемое.

[18] Я не считаю необходимым в эссе такого рода обсуждать теорию Спинозы о теле как объекте разума и о разуме как "идее" тела, поскольку оба являются разными аспектами одного и того же.

[19] "Rei alicujus singularis actu existentis". Слово "божественный" не встречается в разделе XI "Этики II", из которого я цитирую. Но это подразумевается, потому что разум - это всего лишь вид или модификация бесконечного атрибута мысли, который опять-таки выражает вечную Субстанцию в Боге. Я осмеливаюсь усомниться в том, что "реально существующий", хотя и принятый такими авторитетами, как сэр Ф. Поллок, дает с какой-либо отчетливостью значение слова Спиноза. Возможно, я ошибаюсь, но я подозреваю, что одно из более поздних употреблений слова "actus", цитируемое у Дюканжа, повлияло на латиноамериканство Спинозы. Таким образом, цитируются несколько церковных писателей, которые использовали это слово в смысле должности или функции. Несомненно, это соответствовало бы определению разума Спинозой. Ибо он рассматривает его как центр феноменальной активности среди бесконечных гун божественного атрибута. Его очевидная индивидуальность является следствием его спонтанности как центра действия — всегда понимаемого, что спонтанность согласуется с абсолютным вечным порядком, предполагаемым на протяжении всей работы.

[20] Конечно, профессор оптики может сказать нам, сколько колебаний в секунду происходит для получения определенного оттенка цвета. Но их ни в коем случае нельзя отождествлять с сознательным восприятием; и нас интересует только это.

[21] Параграф II этики, раздел xi. Следствие. "Отсюда следует, что человеческий разум является частью бесконечного интеллекта (мысли) Бога; и соответственно, когда мы говорим, что человеческий разум воспринимает то или иное, мы только говорим, что Бог — не в Своей бесконечности, но в той мере, в какой Он выражается природой человеческого разума, или в той мере, в какой Он составляет сущность человеческого разума, — имеет ту или иную идею. И когда мы говорим, что Бог имеет ту или иную идею не только в той мере, в какой Он составляет природу человеческого разума, но и в той мере, в какой Он имеет идею также о какой-то другой вещи вместе с человеческим разумом, тогда мы говорим, что человеческий разум воспринимает эту вещь частично или неадекватно ". Например, все расы естественным образом предполагали землетрясения и бури, битвы, убийства и внезапную смерть, чтобы представить идеи, идентичные в умах их богов и самих себя. Но предположение Спинозы, как я его интерпретирую, состоит в том, что истинный Бог обладает идеей таких вещей не только в той мере, в какой Он составляет человеческий разум, но и в той мере, в какой Он включает идеи некоторых соотносимых вещей, непостижимых для нас. Следовательно, наша идея "неадекватна".

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Очевидный провал Спинозы.

Несмотря на восхищение и даже благоговение, с которым некоторые ученые относились к Спинозе при его жизни, нельзя сказать, что в течение столетия после его смерти, в 1677 году, его идеи получили сколь-нибудь широкое признание. Времена были неблагоприятные. Для власти церковности, политическая и социальная власть церковности, независимо от того, установлена она или нет, вынуждала людей науки и философов относиться к господствующим верованиям как к освященной почве, на которой нельзя применять обычные методы исследования, рассуждения или критики. Говоря это, я далек от того, чтобы обвинять этих выдающихся людей в неискренности. Некоторые из них, действительно, использовали своего рода загадочную сатиру, чтобы оправдать для себя отождествление моральных интересов с общепринятыми верованиями. нежелательное подчинение. Но, по большей части, моральное давление традиций и образования заставляло просвещенных людей отождествлять доктрины личного Бога, Сотворения, Грехопадения, Искупления и Бессмертия с моральными интересами, жизненно необходимыми для благополучия человека. При таких обстоятельствах благоразумный консерватизм был неизбежен.

Постепенное распространение влияния Спинозы.

И все же, несмотря на это сдерживающее влияние, мысли, высказанные одиноким мыслителем, были подобны живому семени, разнесшемуся повсюду и, падая то тут, то там на хорошую почву, прорастающему и приносящему плоды. Иногда его влияние признавалось, иногда его отвергали; но, тем не менее, оно было. Сомнительно, что Фихте. Идеализм Фихте мог бы принять ту форму, которую он принял, если бы ему не предшествовал Спиноза. Гегель, начинающий свою великую интеллектуальную карьеру с Гегелем. решимость защищать веру, некогда переданную святым, однако уходит своими корнями в философию Бытия, которая, во всяком случае, очень похожа на пантеизм. Возможно, это деликатная почва для продвижения. Ибо, если кого-то спросят, понимает ли он Гегеля, возникает соблазн ответить, подобно благочестивой шотландской леди, когда ее друзья спросили, поняла ли она проповедь священника: "Эй, господа, вы думаете, я осмелюсь предположить?" Тем не менее, не только мое собственное прочтение его, но и глубоко интересные интерпретации мистера Холдейна, приведенные в его *Гиффордских лекциях*, создают впечатление, что вечный процесс Гегеля - это всегда проекция субъекта как объекта и их реинтеграция. И это продолжается не только в бесконечном, но и в конечном масштабе, среди бесконечного числа процессов, составляющих Все Сущее. Но это, по-видимому, не оставляет места для творения из ничего, и до такой степени пантеистично. Несомненно, существуют спасительные толкования, но им трудно следовать; и они не могут отменить исходный постулат о едином вечном процессе, заключающемся в отношениях бесконечного субъекта, объекта и воссоединения. В такой системе я не вижу, как может существовать что-либо, кроме Бога, и поэтому, несмотря на его отвращение к этому имени, считаю Гегеля пантеистом.

Гете и Вордсворт.

Гете и Вордсворт во многих вдохновенных отрывках своей поэзии перекликаются с верой Спинозы. Вордсворт, конечно, в ответ на свои первые ожидания от нового порядка, который он надеялся увидеть результатом Французской революции, был склонен преувеличивать важность установленных религиозных церемоний и верований. Но мы не можем предположить, что он когда-либо раскаивался в своем благоговении перед Природой как божественным откровением. И мы можем полагать, что он продолжал рассматривать свои практически

пантеистические видения как прозрение в вечную реальность, из которой проецировались подробные схемы православного богословия.

Schleiermacher.

То, что Шлейермахер был многим обязан Спинозе, совершенно очевидно из его собственных слов. Он говорил о "святоотеческом отрекшемся Спинозе". Он заявил, что "высший мировой дух проник в него; Бесконечное было его началом и его концом; вселенная была его единственной и вечной любовью. В святой невинности и смирении он отражал себя в вечном мире и видел себя его самым достойным любви образом. Он был полон религии и Святого Духа; и поэтому он стоит одинокий и недостижимый, мастер в своем искусстве над толпой профанов, без учеников и без гражданства".^[22]

Англиканские широкие церковники.

Что касается широких слоев англиканской церкви, то вряд ли было бы справедливо цитировать отдельные высказывания в качестве доказательств их пантеизма. И все же, когда Фредерик Робертсон спросил: "Что такое сам этот мир, как не форма Божества, в которой проявляется многообразие и красота Его разума?" и еще дальше, когда он с одобрением цитирует слова Ченнинга о том, что "возможно, материя - это всего лишь способ мышления", самый искренний пантеист вряд ли пожелал бы большего. Ибо концепция рассматриваемой Вселенной, несомненно, должна исключать реальное бытие или даже реальное существование чего бы то ни было, кроме Бога. Мэтью Арнольд никогда не исповедовал пантеизм, как, впрочем, и какую-либо другую теорию Мироздания. Ибо его тонкий юмор и яркая сатира всегда имели в виду просто практическую цель - расчистить простой путь к хорошей жизни через "Абергlaub" теологии. Его описание Бога как "Силы помимо нас самих, которая ведет к праведности", на самом деле может показаться отрицанием пантеизма, потому что, если Бог - это не мы сами, то есть что-то иное, кроме Бога. Но человек, который намеренно оправдывает свободную фразеологию Библии о бесконечном Бытии ссылкой на то, что это был язык, "брошенный" на объект, бесконечно превосходящий языковое выражение, не должен сам быть привязан к выводам, логически выводимым из его собственных слов, "брошенных" на тот же самый трансцендентный объект. И, хотя Мэтью Арнольд был слишком литературен, чтобы быть пантеистом, то есть, хотя он больше думал о формах выражения, чем о конечной реальности, его сатирическое разрушение вероучений, где бы оно ни было эффективным, делает пантеизм единственной религиозной альтернативой. Могут быть предложены так называемые "светские" и безбожные альтернативы, но их несоответствие всей эволюции человечества от доисторического анимизма к высшему пантеизму сделает их гибель короткой и неизбежной.

Почему пантеизм как Религию назвали Современной.

В предыдущей части этого эссе я сделал замечание, что пантеизм как религия почти полностью современна. Контекст, однако, ясно показывает, что имелось в виду; поскольку несколько страниц были заняты изложением идей и учения отдельных пантеистов от Ксенофана до Спинозы. Но обычно мы не обращаем особого внимания на религию, которая ограничивается одним или двумя мужчинами в эпоху. Если она вымирает, мы относимся к ней просто как к курьезу или интеллектуальной головоломке, подобно снам Якоба Беме или атеистическому церковничеству Конта. Но если впоследствии она проявляет симптомы неожиданной адаптации к ментальным и моральным условиям нового мира и если благодаря этой адаптации она

овладевает людьми, которые не являются ни философами, ни метафизиками, а только религиозными, это требует нашего рассмотрения на совершенно иных основаниях, чем интеллектуальное любопытство.

Пантеистические тенденции современной мысли

Но только во второй половине прошлого века пантеизм смог привлечь к себе внимание как религия в таком смысле, как этот. Что касается этого факта, то вряд ли может быть какой-либо спор. Ибо это не только становится все более заметным мотивом в музыке поэтов, и не только все рационализации христианства более или менее прозрачно маскируются под пантеизм, но я могу смело обратиться к тем обычным членам интеллигентного общества, которые не являются ни поэтами, ни богословами, ни философами, с вопросом, не граничит ли самый свободный и доверительный обмен религиозными мыслями с верой, которая все объединяет в Боге.

Вызвано взаимным давлением Науки и Веры.

И причины этой тенденции далеко искать не нужно. Действительно, они ощутимы и бросаются в глаза во взаимном давлении науки и веры. Ибо, с одной стороны, наука сделала немислимой старомодную концепцию трехэтажной Вселенной, сконструированной Богом-искусником, который внезапно пробудился от вечной праздности, чтобы сотворить Небеса, Землю и Ад - концепцию, включающую Царя царей, восседающего на троне подобно восточному монарху и посылающего Своих духов-попечителей или назначающего Своих ангелов-заместителей направлять и управлять по Его указке. Или, если сказать, что никогда, за исключением эпох первобытной простоты или среди более поздних поколений, живущих в первобытных условиях? если бы такая концепция была принята, "самому широкому" церковнику было бы трудно сказать, что было поставлено на ее место. Бесполезно напоминать нам, как позднее христианство покровительствовало гипотезам о туманностях, а сама по себе гипотеза о туманностях абсурдна. доктрина эволюции. Ибо они не дают никакой определенной замены старой истории о том, что Элохим "сказал, и это было сделано — он повелел, и это было сделано твердо". Откуда взялись огненные туманы, из-за вращения и охлаждения которых медленно развивались миры? Нам говорят, что тот же процесс происходит сейчас в поле зрения астрономов. Но предполагает ли кто-нибудь, что в этих сферах пространства Бог вызывает что-то из ничего или говорит "будь" и "есть"? Нет; нас уверяют, что эти огненные туманы образуются в результате столкновения заблудших сфер; и нас даже просят — или, по крайней мере, *нас* просили — верить, что этот процесс должен продолжаться до тех пор, пока все системы не соберутся в одну сферу, чтобы окончательно застыть в камне. В чем же тогда заключается должность Творца в соответствии с этой схемой, столь же отталкивающей, сколь и абсурдной? Казалось бы, в какой-то момент пустой вечности Он вызывает материю из ничего, закручивает ее в огненные вихри, а затем позволяет ей остыть до абсолютного нуля, где вечно царит смерть.

Протест веры.

Но, в конце концов, "в человеке есть дух" и "вдохновение Всемогущего", Вечного, славного Целого, к которому мы принадлежим, пробуждает в нас протест против этого богохульства невежества. Невежество, я говорю, потому что это были не знания наших мудрецов, которые шептали такие вещи, а их ощущение пустоты за пределами их знаний. До определенных пределов их понимание фактов, их понимание физического порядка, их математические способности были выше всяких похвал. Но за этой границей, да, и внутри нее, во всех

непостижимых способах действия силы, как, например, в гравитации, таилось Непознаваемое. И это не было подкреплено новейшей наукой. их знания, но их невежество, которое повлекло за собой абсурдные проблемы. Уже есть признаки того, что даже небесная физика и математика откажутся признать окончательной столь отвратительную схему материальной эволюции и деволюции, заканчивающуюся лишь всеобщей смертью.^[23] И когда однажды будет замечено, что возрождение нового порядка из старого происходит повсюду и вечно, тогда все намеки, данные нам наукой о предельном единстве всех вещей, сойдутся в вере в то, что Все есть Бог, что предполагает Бесконечное Единство. а Бог - это Все. Ибо, безусловно, последние наблюдения за Материей предполагают, что все ее формы являются вариациями одной конечной Субстанции. И обратимость сил, а также сохранение силы указывают на единую вечную энергию. Таким образом, двойственность не предполагает какого-либо окончательного вывода. Ибо мало кто, я полагаю, стал бы сейчас утверждать, что в конечном итоге Материя и Сила - это принципиально разные вещи. Фактически, монизм удерживает лидерство; и хотя эволюция человеческого мнения происходит очень медленно, можно с уверенностью предсказать, что триумф этой мировой теории обеспечен.

Идея Творения Несовместима с Современными знаниями.

Этот результат дополнительно обеспечивается растущим несоответствием, ощущаемым между неизмеримой необъятностью Вселенной, даже такой, какой она известна, и идеей сотворения из ничего. Когда Всемогущего можно было всерьез представить строящим чертоги для Себя и Своего небесного воинства наверху, средний этаж земли для детей человеческих и бездну для призраков и дьяволов, представление о том, что Его слово создало это ничтожное сооружение из ничего, могло быть наделено поэтами и пророками определенным величием. Каждая часть работы имела цель, столь же мыслимую, как и каждый этаж в доме; и, согласно мелочным человеческим представлениям о полезности, ничто не пропадало даром. Но теперь, когда наши астрономы ставят перед нами бесчисленные миллионы сфер, протяженность которых в пространстве не может быть доказана, в то время как некоторые из них говорят нам, что вся необъятность - это пустыня чередующихся огня и тьмы, без искры конечного интеллекта, за исключением нашей крошечной земли, некоторые из нас, по крайней мере, не могут отделаться от ощущения, что представление о личном божественном работнике, вызывающем эту огромную загадку из чистого вечного ничто, чрезвычайно и совершенно несовместимо как с благоговением, так и со здравым смыслом.

И если в наши дни пантеиста спросят: "Какую интерпретацию вы тогда предлагаете?" он ответит: "Я ничего не предлагаю. Я принимаю вещи такими, какие они есть. В своей совокупности они непознаваемы, как, впрочем, даже наука считает, что они непознаваемы в своих бесконечно малых частях ". Но нам не нужно из-за этого терять "божественность, которая формирует наши цели".

Пантеистическая мораль.

Ибо между бесконечным и бесконечно малым человеческий опыт осознает себя в окружении, которое при наблюдении и размышлении производит впечатление упорядоченных отношений частей. В силу необходимости нашего конечного и индивидуального существования в качестве центров действия — необходимости, которую мы не можем объяснить, — мы представляем эти отношения самим себе в формах времени и пространства. Затем, когда наш опыт становится достаточно большим и зрелым, обогащаясь и стимулируясь накопленным опытом

человечества, записанным в традициях, обычаях, Библиях и Эпосах, мы постигаем нравственное чувство и осознаем, что обязаны быть верными Закону Целого. нечто большее, чем я. Этим "большим" может быть племя, нация, человечество или Бог. Но в гораздо большем числе случаев, когда возникает это чувство добровольной лояльности, его причиной является привлекательность для нас некоего целого, частью которого мы являемся. Безусловно, так обстоит дело с патриотом и филантропом. Действительно, было бы трудно или невозможно найти какие-либо человеческие отношения, начиная с семьи и выше, через более широкие круги школы, клуба, муниципалитета, национальности, в которых это чувство верности или преданности закону целого не было бы лучшим стимулом к преданности.

Об этом Законе Полной Преданности Богу в Высшем Применении.

И все же, когда мы переходим к размышлениям о последнем и высшем объекте поклонения, о Самом Вечном, почти повсеместным обычаем стало делать удивительное исключение и считать религию поддерживаемой только признанием огромного внешнего авторитета, которому возможна только такая лояльность, какая в варварские времена воспитывалась по отношению к личному вождю или феодальному королю. Пантеизм считает это ошибкой и рассматривает послушание и преданность Богу как окончательное и наиболее вдохновляющее применение того принципа верности части целому, который пронизывает всю мораль.

Заключение.

Почему мы должны считать, что у нас нет Бога, потому что мы признаем, что Он сверхличен и его "уже не узнать"? Или почему нас должны подозревать в отрицании божественности эволюции из-за того, что мы не верим, что Вечное Все подчинено ей? Этот инстинкт верности в смысле самоподчинения какому-либо большему Целому, частью которого мы являемся, возникающее отсюда различие между добром и злом и стремление к моральному идеалу не являются изобретением человека. Говоря, как мы не можем этого не делать, с точки зрения времени, я считаю, что зачатки этой высшей жизни создания всегда были в божественном единстве, из которого развился человек. И в стремлении следовать вдохновениям этой высшей жизни, как подсказывает им опыт, человечество всегда имело проводника и спасителя в лице Живого Бога, для которого продолжительность человеческой жизни является бесконечно малой фазой. В такой интерпретации отношений человека к Богу нет ничего обязательно враждебного какой-либо форме подлинной религии.^[24] Верно, в символах веры есть много утверждений, которые мы не можем принять в письме. Но есть мало таких, которые не имеют для нас какого-либо духовного внушения. И если мы сможем достичь той интеллектуальной любви к Богу, которой был поглощен Спиноза, у нас не будет разногласий ни с одним видом искренней преданности. Благочестивые католики, протестанты, ведантисты, мусульмане — все в силу неявных, хотя и непризнанных потребностей своей веры поклоняются тому же Богу, что и мы. Но споры сектантского рвения нас больше не касаются, ибо мы прошли

"Туда, где за этими голосами царит покой".

СНОСКИ:

[22] Цитируется доктором Дж. Хантом в его *Эссе о пантеизме*, стр. 312.

[23] См. *"Религия Вселенной"*, стр. 128-30.

[24] Ограниченность пространства должна быть моим извинением за ссылку на расширение этой темы в "Пантеистической проповеди" в конце *"Религии вселенной"*.